

КОНУНГ:

Треверская авантюра

Вторая книга серии

СЕРГЕЙ РУДЕНКО

18+

Научная фантастика, 2018

Сага о конунге

Сергей Руденко

Конунг 2: Треверская авантюра

«Автор»

2018

Руденко С. В.

Конунг 2: Треверская авантюра / С. В. Руденко — «Автор»,
2018 — (Сага о конунге)

Хирду нужна добыча, а их командиру - удача. И желательно большая. Иначе не будет ни собственной крепости, ни подданных, ни власти над "бесхозным" Нойхофом. Тем более, что многочисленные хундинги все еще ошибочно считают город своим... Продолжение приключений наших современников в параллельном и опасном средневековье. Бывший подмосковный журналист вынужден "пришпорить" свою феодальную карьеру. Обложка изготовлена с использованием ресурса canva

© Руденко С. В., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Под каблуком у судьбы	7
Глава 2. Восточный экспресс	27
Глава 3. Карамболь	46
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Пролог

Земли треверов, весна 2039-ая от Исхода, полночь

В середине осени могучий Рихас по-прежнему дарит глоток бодрости после изматывающей дневной жары. Здесь, в глубине восточного побережья, его освежают два полноводных притока. Оба они рождаются в таянии ледников исполинского хребта, чьи вершины так высоки, что скрываются в облаках и надежно отделяют Эйдинард от иных земель. Именно они делают неуправляемые воды привычно студеным. В таких жарких краях – это особенно ценится. Недаром наделами, где можно ощутить дыхание великой реки, так опасно владеть.

Но заговори о речной свежести с кем из достопочтенных жителей Нойхофа, и речь никогда не пойдет об одной из множества ленивых протоков. О той, что люди зажали между невысокими портовыми стенами и громадой Крабьего форта. Рыбаки, кожевники, красильщики – кого там только нет. Эти гильдии особенно обильно пополняют казну правителя, но вот соседствовать с их мастерскими, коптильнями и складами, не хватит ну ни какого терпения. Вот уже более двухсот лет все они селятся только в этой части города. Это если, конечно, хотят жить и трудиться в безопасности внутренних укреплений.

Безопасности...

Да, места без страха за жизнь или достояние, немолодой десятник давно уже не видел. Ни у семейного очага в Верхнем городе, ни где-либо еще. Было чего опасаться даже здесь, в казарме, среди других хирдманов, все еще служащих клану Хундингов.

– Сожри тебя чесотка! – еле устоял на ногах пожилой воин.

Отвесив пинка меланхоличному крупному псу, о которого и запнулся снедаемый тяжелыми мыслями воин, сам он больше никак не отозвался о случившемся. Все что нужно сказала дюжина сопровождающих его дружинников, до смерти уставших от усиленных ночных патрулей. Сопровождаемый скорее удивленным, чем обиженным лаем, старый хирдман молча продолжил обход постов.

Случайно отхвативший барбос не привык к такой несправедливости, но уже через пару минут все же решил, что мнение свое высказал однозначно. Не став развивать скандал, он страстно и размашисто подрал правой задней шкуру где-то чуть выше правой же лопатки, и решил покинуть неожиданно ставший неудобным ночлег. Грузно свалившись с крыльца, все еще сонное животное лениво затрусилло куда-то в сторону хозяйственного двора.

Эта непримечательная встреча не стала случайной.

О, нет! Конечно же, не было никакого заговора в попытке «сломать шею» именно сегоднешнему командиру стражи и чтобы непременно с помощью этого четвероногого здоровяка. Но то, что к полуночи господская псарня в Нойхофе по-прежнему открыта – все равно получилось не по воле слепого случая. Все произошло ровно по той же причине, по которой старый десятник и «растрачивал желчь».

Окружающие земли уже многие столетия не знали прочного мира. И пусть последний раз в этих краях армией злых чужаков были сами же завоеватели-фризы, и с этой задачей уже два тысячелетия прекрасно справлялись они сами. Страх проснуться с перерезанным горлом сопровождал свободных бондов и вездесущих торговцев. Стоило кому-нибудь из твоего рода удачно сходить в поход с морскими ярлами, или даже просто хорошо расторгнуться в урожайный год, так жди кого из менее расторопных в гости.

Правда, треверам было грех жаловаться.

Старый Хунд почти сто лет крепко держал здешние кланы. Все эти годы можно было не особенно опасаться налетчиков хотя бы от ближних соседей. Что говорить, даже племена с той стороны Рихаса дважды думали, прежде чем решиться сходить за серебром или девами на этот берег. Дошло до того, что местные кельты перестали даже поминать, что род хундингов

вообще-то из германцев и в давние времена был им навязан. Казалось – живи и радуйся, но ненависть плохо ржавеет...

Стоило ярлу по весне ослабеть, да при том так, что даже божественная сила пирамиды почти перестала помогать, как от поселения к поселению зачастили небольшие группы парадно принаряженных старейшин. Треверские земли богаты. Как и везде в дельте на них собирают не меньше двух урожаев в год. Местные роды убрали и снова отселились, но малые посольства колесить по округе не прекратили.

Чем хуже шли вести о здоровье правителя, тем острее вожди и хевдинги понимали: тот, у кого в нужный час достанет союзников и друзей, с меньшими потерями переживет грядущую смуту. «Если боги, конечно, помогут пережить», – со страхом шептали про себя «изрестрей» – благородные, беспокойными ночами, но уповали не только на помощь непредсказуемых и своевольных небожителей-асов.

Стены родовых городков и крепостей спешно обновлялись и надстраивались, а накопленное за годы мира и не отданное на приваживание вольных бойцов и союзников серебро, щедро тратилось на оружие и броню. Мало кто сомневался в том, что все это очень скоро пригодится.

И уж точно будущие беды не были секретом для старого воина. Кому, как не доверенному десятнику родовой дружины знать: ярл смог дотянуть до конца лета лишь потому, что совсем перестал покидать храм. Увядающих красоток, чуть занедуживших богатеев и иных завсегдатаев его залов, какое-то время даже перестали пускать дальше порога. Сердце города, да и всего племени, билось лишь для одного человека. Однако и оно не было всемогущим.

Что ты ни делай, а даже сила, способная вернуть к жизни жестоко изрубленного бойца, вырастить потерянные глаз или руку, однажды даже она уступает старости. Ярл Хунд не дожил до осени. Многие успели родиться и умереть под его властью, а потому горожане, даже ненавидевшие его твердую руку, эту смерть приняли, как удар.

Немало благородных гордецов рыдало у погребального костра, что несмышлениши. Конечно же, редко кто из них лил слезы от сожалений по Старому Хунду. Нет, проникательные предводители семей и родов прощались со своими домочадцами... Может быть, со многими, а может и со всеми. И лишь их глупые дети, племянники да едва вошедшие в возраст мужей внуки не понимали этого.

Хотя кто-то возрыдал, быть может, и по самому себе. Не стоит осуждать! Трудно не увидеть неотвратимость и собственной Смерти, когда получаешь столь зримое подтверждение ее необоримой власти...

Глава 1. Под каблуком у судьбы

Осень 2038-ая от Исхода, вторая половина дня

(7 октября 2018 года по «земному» календарю)

Южный – Полуденный тракт – был куда как короче двух других главных транспортных артерий побережья, но уж точно считался самым комфортным и безопасным. Ходили по нему и дружины, и паломники, и фризы по иным делам, но чаще всего звали его «торговым» или даже «степным».

Сразу за Вратами батавов он отклонялся к западу и шел мимо Эверберга. Оставив же позади не самую большую, но самую сильную крепость ивингов, дорога поворачивала на север, и уже не сходила с этого курса до самого Западного Рихаса.

Столетиями караваны «растворялись» среди множества причалов и несчитанных складов торгового Линкебанка. И сегодня в богатейшем городе побережья, можно было найти двор любого, хоть сколько-нибудь значимого купеческого рода. Если священная Бувайя¹ была морскими воротами и сердцем для всех фризов, то тут, скорее хранился их кошелек. Действительно, именно отсюда был самый быстрый и надежный водный путь степным товарам к большинству ярмарок хоть центральных, хоть восточных или западных земель Эйдинарда.

Правда, тратиться на продолжительное речное путешествие всем странникам было не обязательно. Если цель ваша лежала вне водных путей, то достаточно было оплатить лишь переправу. Во многих местах, где торные тропы приближались к берегам великой реки, еще при янгонах были устроены надежные перевозки. И некоторые из них считались настоящим чудом.

По рассказам знатоков, в Линкебанке, например, навстречу друг другу ходили два столь громадных парома, что каждый из них за один раз способен был перевезти целый караван и под сотню случайных ходоков.

Сильному воинскому отряду, появившемуся к вечеру в виду городских предместий, скорее всего, пришлось бы ждать именно такую громаду. Конечно, задумай они спешно переправляться на противоположный берег. Однако любому внимательному наблюдателю сразу же становилось понятно: никаких таких планов у их предводителей нет. По крайней мере, уж точно не сегодня.

Стоило колонне достигнуть ближайшей открытой площадки со старыми следами кострищ, как раздалась негромкая команда, и отряд рассыпался, заполняя луг организованной суетой. Около двенадцати дюжин богато снаряженных воинов и почти такое же число слуг и рабов без дополнительных приказов занялись привычными делами.

Кто-то, подхватив кожаные бурдюки и ведра, направился к хорошо виденному у подножия ближайшего холма роднику, другие – потянулись к берущему начало из него ручью с группами упряжных и верховых коней. Третьи – принялись споро расставлять шатры.

Стройные ряды пестрых жилищ примерно одного и того же размера, были рассчитаны на каждых шесть воинов или дюжину слуг. Костры, еда, караулы – мало ли забот и дел у пустившихся в дальний путь?! В традиционной вечерней суете не принимали участие лишь двое.

Рослый темно-русый мужчина на вид лет 27-30, носил на себе столько золота, что сразу становилось понятно: именно его свита сейчас готовится к ночлегу. Бордовая шелковая туника поверх отбеленной рубахи из тончайшего льна, широкий пояс, покрытый фигурными брон-

---

¹ Бувайя (протогерм. [bu-, buwi-] жилище + [-aujo] остров – земля окруженная водой) – название священного города-острова, расположенного в устье Центрального Рихаса; считается самым крупным поселением прибрежных земель, и неформальной столицей фризской конфедерации.

зовыми пластинами с драгоценными вставками, легкий золоченый боевой браслет на левом запястье. И список этим, конечно же, не исчерпывался.

Были еще соответствующий образу кинжал, в золоченых ножнах, дорогие застежки на коротких щегольских сапогах и, самое главное – массивная золотая цепь со столь же дорогим медальоном. Изображенная на нем руна Тейваз² окончательно объясняла даже самым невнимательным, что перед ними морской ярл³. И скорее всего, очень-очень успешный. Стоило попробовать внимательнее изучить внешность его сопровождения, как бросалось в глаза, что далеко не все добытые драгметаллы ушли на достижение столь блестящей внешности командира.

Из общего образа знатности и явного богатства несколько выбивалась лишь подчеркнутая лаконичность форм и отсутствие украшений на ножнах и рукояти длинного меча. Однако глядя на это оружие, любой более-менее опытный наблюдатель не нашел бы здесь противоречий.

Бронзовый клинок в два локтя получился бы столь массивным, что человеку долго им не помахать, да и на поясе такую тяжесть особо не поносишь. Из дурного железа такую красоту тоже не сковать. А значит, лезвие было настолько высокого качества, что просто не нуждалось в ином украшательстве, кроме своих хищных форм.

Хотя пожилой собеседник предводителя снаряжен был заметно проще, от внимательного взгляда не укрылось бы, что его здесь явно ценят. И дело было не только в том, что пока остальные спешили закончить дела и наконец, отдохнуть, он развлекал командира беседой.

Действительно, со стороны было хорошо видно: мужчины не тяготятся обществом друг друга и не выполняют нечто необходимое. Они говорили скорее дружески, чем кто-то один расспрашивал или давал указания второму. Старик, кстати, привлекал внимание еще и своей едва заметной чужеземностью.

Немного темнее кожа, чуть иные черты лица вместо привычных. В остальном – никаких необычностей: короткая чуть выщипанная седая борода, еще тщательнее срезанные волосы на голове и поджарое, сухощавое тело среднего роста в светло-коричневом халате из недешевого дикого шелка⁴. Все остальные детали внешности тоже подчеркивали его «невоенный» статус. А значит мужчина вряд ли добился своего положения бившись много лет за семью или самого предводителя.

Сандалии вместо сапог, отсутствие оружия или элементов брони на теле. В здешних краях однозначно боевым оружием считался кинжал, предназначенный для нанесения колющих ран. Обычный нож, какого бы не был размера, просто часть одежды. Без него ни мяса не отрезать, ни колышек для забора не отесать. А то, что такой «хозяйственной снастью» можно отбиться от врага или самому злоумышлять, так что поделать? Убить можно и кочергой, а из хлопчатых повязок, например, которыми накануне перевязывали раны, можно сделать петельку и кого-нибудь придушить.

Хоть какую-то определенность в статус пожилого, вносила серебряная чернильница и объемный кошель на поясе. Очевидно с перьями и бумагой или более дорогим пергаментом. Мужчина со стороны выглядел, как ключник, или доверенный писарь знатного господина.

---

² Тейваз – семнадцатая руна древнегерманского алфавита, наносилась в виде указывающей вверх стрелки и означала слово «воин». Считалась символом германо-скандинавского однорукого бога воинской доблести Тюра. Его знак на могилах означал захоронение воина, а среди живых фризов ее на показ носили лишь так называемые «морские ярлы».

³ Морской ярл – предводитель отряда профессиональных воинов, не имеющий достаточно собственной земли или власти над одним из племен, однако принявший от своих спутников бессрочную «кровавую» клятву верности. Чаще всего живут за счет доходов с морских набегов, однако не брезгают на хоть сколько-нибудь законных основаниях пограбить и своих. Например, участвуя за плату в междоусобных войнах.

⁴ Дикий шелк – не разматывают с кокона тутового шелкопряда, а счесывают с кокона дубового (или дикого) шелкопряда, поэтому он больше похож на лен или шерсть. Обладает отличной способностью впитывать влагу, прочностью и считается особенно хорошим в жаркую погоду.

Вся эта путаница могла бы случиться из-за отсутствия на левой половине груди, полагающейся ему тяжелой серебряной фибулы. Отчеканенным на ней знаком в виде перекрещенных молота и зубила, украшали себя местные зодчие, и старик имел право ее носить. Но у немолодого «анархиста» никак не вырабатывалась привычка надевать похожие на украшения здешние «удостоверения личности» и «паспорта». Потому спешно изготовленный на заказ подарок, почти все время лежал себе спокойно в той самой поясной сумке. Пергамент и бумага там тоже были. А вот дотошных наблюдателей вокруг – нет. Ну или их интересовали другие вопросы...

Последним группам проходящих мимо пеших путешественников и верховым одиночкам было не до любопытства. Они спешили попасть в Линкебанк до перекрытия улиц, да и вряд ли бы могли рассмотреть хоть какие-нибудь необычные подробности в свете заходящего светила.

Городская стража, тоже особо не обеспокоилась, а потому не слишком присматривалась к устраивающемуся на ночевку хирду. Отряд, конечно же, был по здешним меркам очень велик и способен иной городишко легко взять на щит предательским штурмом или даже лобовой атакой. Но все же – не настолько многочисленным, чтобы угрожать спокойствию достопочтенных жителей Линкебанка или суметь после каких-нибудь шалостей уйти безнаказанным.

В итоге, последние на сегодня путешественники закончились, въезд в предместья перекрыли рогатками, и стражи приготовились коротать ночь. Лагерь путешественников тоже постепенно затих. Те, кому было положено, разошлись по караулам, остальные разобрались по предназначенным для них кострам, в ожидании долгожданного ужина и своей законной кружки разведенного ледяной родниковой водой вина. Что еще нужно человеку после долгого перехода по здешней жаре?

* * *

С первого дня, как свежесозданный хирд покинул Эверберг, их вождь стал разводить самый настоящий «либерализм». Именно так поначалу воспринял насаждаемые Ингваром Чужеземцем порядки Эрфар Зодчий⁵, годом ранее в далекой России известный, как Анвар Гарипов.

Нет, бывший глава архитектурного отдела крупной строительной компании из Подмосковья вовсе не был фанатом тоталитаризма или казарменных порядков. До страшной авиакатастрофы, в которой погибли почти все пассажиры и экипаж рейса SU150 «Москва-Гавана», он, конечно, немного ностальгировал по Советскому Союзу, но это все сочеталось с чисто восточной мягкостью и обостренным, действительно советским чувством справедливости.

Плюс по собственным рассказам 58-летнего мужчины, даже во время службы в армии в юности, он совсем не казался образцом благонравия и дисциплины. Скорее, совсем наоборот. Поэтому получив несколько очень корректных, но настойчивых намеков на эту тему, Ингвар (а точнее – совсем еще недавно московский журналист Игорь), надо признать, изрядно удивился.

Все-таки вынужденный несколько раз всерьез биться за свою жизнь, а потом и вообще почти полгода воевать с южной – степной стороны Великого хребта⁶, он теперь совсем иначе воспринимал отношения внутри здешнего условного «воинского братства», да и самих фризлов стал понимать намного лучше.

В отличие от Игоря, его немолодой товарищ большую часть из почти четырнадцати месяцев, прожитых здесь после переноса, провел в комфорте и безопасности Эверберга. Заботливый присмотр ярла ивингов Эрвина Сильного был настолько всеобъемлющ, что правитель-жрец даже провел над ним ритуал Возрождения, и подмосковный без пяти минут пенсионер вернул себе все телесные радости. Да-да, в том числе и чисто «мужские».

---

⁵ Эрфар Зодчий – искажение на фризский манер имени Анвара Гарипова, в котором отразилось чуть более темная кожа попаданца и его земная профессия архитектор. Имя Эрфар образовано от древнегерм. [erpf] – темный, коричневый, смуглый.

⁶ Участие главного героя в походе Торговой тысячи описано в первой книге цикла «Конунг: Вечный отпуск».

Чуть раньше переселенцы уже знали, что местные храмы-пирамиды – это совсем не нагромождения камней, а некие волшебные ретрансляторы, больше похожие на остатки неких неизмеримо загадочных технологий. Но чтобы настолько?!

Восстановление тел, их сохранение, да и любых других материальных объектов. Плюс – влияние на эмоции и разум – например, обмен четкими образами во время общения людей, не понимающих язык друг друга. Да мало ли какие возможности они давали местным жителям. В общем, подарок оказался не лишним, и вспоминать почти забытые мужские удовольствия Анвару с радостью принялась помогать на тот момент 43-летняя Наталья Викторовна Кулябина.

До памятного перелета женщина трудилась главбухом в крупной федеральной компании. И при любом раскладе нет повода осуждать разведенного экс-архитектора или одинокую москвичку. Что греха таить: пока маленькая группа туристов, выжившая при авиакатастрофе на берегу неизвестного горного озера пробиралась в места более населенные, Игорь и сам не без интереса посматривал на сочные формы счетовода и ее густые темно-рыжие волосы. Правда, больше теоретически.

Все они тогда очень нуждались в простом человеческом тепле и сочувствии, но ничего «такого» не произошло. По одной банальной причине: за пять дней пути по девственно прекрасной природе, почти все время сильно хотелось есть, а оттого было совсем не до шалостей. Но вот потом...

Даже раньше обсуждаемой парочки, бывший журналист предложил свое утешение еще одной выжившей из более чем двух сотен человек, не долетевших за туристическими радостями на Кубу.

Четвертой переселенкой, и важный составляющий еще одной пары стала Катя. Бывший столичный торгпред нижегородского мясокомбината. Точнее Екатерина Дмитриевна Рассохина – прошу любить и жаловать!

Да и могло ли быть иначе, когда весь их прежний мир пропал в неизвестности, а рядом – вот она. Тоже нуждающаяся в сочувствии молодая русоволосая женщина 26 лет, с легкоатлетической юностью и курсами массажа в менее отдаленном прошлом. Понятно, что все стремительные романы стали лишь неким доступным болеутоляющим за ампутированное «вчера».

Здесь мир переживал растянувшийся на тысячелетие развал родоплеменного строя, и феодализм – еще лишь планировал окончательно взять власть в свои руки. Правда, этой общественной закономерности не было видно конца. Даже с точки зрения исторического процесса все происходило настолько медленно, что постепенно стало очевидно даже нашим нечаянным попаданцам.

Казалось, многие протогосударства наметились еще две тысячи лет назад, но нет. Минимум в трети племен по-прежнему правят советы старейшин, земля – «ничья», а некое единое государство если и есть, то лишь условно, в пределах всей культурно-языковой общности фризов. Есть только народ, образованный из древнегерманских, кельтских и, возможно, каких-нибудь еще беглецов с Земли двухтысячелетней давности. Да, когда-то все они сюда пришли по потерянному теперь межмировым вратам. Но вернемся к эмигрантам более поздним.

Бывшие россиянки приняли к сведению «исторические открытия», и снова спрятались от тягостных раздумий в блаженное ничегонеделанье. Анвар в это время немного потерялся в водовороте неожиданного омоложения, и возможно не стал особо и вникать, а вот бывшему журналисту – Игорю, – все это показалось окном возможностей.

Как и всякий мальчишка (вне зависимости от возраста), он немного не доиграл в рыцарей, но тягу скакать на лихом коне слегка все же перерос. А вот идея «Рыцарь-феодал» – ему показалась очень интересной. Законсервированное пирамидами родовое общество на его взгляд настолько разложилось, что сейчас было самое время попробовать поискать в нем свое место.

С собственной крепостью или замком, дружиной, деревнями, крестьянами, и кто его знает, может даже собственным городом или... гм, более обширными владениями. Наверное, только самые счастливые из людей, не разглядывают в себе потенциал к великим свершениям. Тем более возможности и правда были.

Во время «знакомства» с местным правителем, они практически случайно помогли ему вывернуться из опасной ситуации. Он в ответ поселил странных путешественников у себя в крепости, поделился полученной совместно добычей и при этом признал за Игорем благородное достоинство.

С финансовой точки зрения, кстати, все вышло так неплохо, что переселенцы решили некоторое время тихо привыкать к новой жизни. Казалось бы – живи да радуйся, но если в человеке проснулась авантюрная жилка, ему не усидеть.

На тот момент сильнее всего она чесалась у их формального лидера – активного и предприимчивого экс-журналиста. Программа вживания у парня предусматривала тренировки с дружинниками и одалживание лошади в конюшнях ярла, для объезда окрестностей. Доездили.

Во время бегства от непонятных разбойников, его занесло в расположенную в паре дней пути от Эверберга Долину Некрополей. И здесь он из первых рук узнал, что с местными погребальными традициями тоже все слишком непросто.

Ну, кто бы догадался просвещать едва говорящих на фриза чужаков, что огромная горная гряда Алайн Таг, отделившая побережье от остальной части материка, была излюбленным местом для захоронения своих мертвых неизвестному числу цивилизаций, тысячелетиями живших на этих землях. Притом многие из так называемых «ушедших»⁷ мало того, что не совсем умерли (точнее совсем не), так они еще и отличаются отвратительным нравом и чудовищными возможностями.

Именно поэтому так редко выживают глупцы, что суются в такие места. И как, оказалось, необязательно взламывать гробницу самому. На эту тему могли побеспокоиться задолго даже до твоего рождения. Но Игорю повезло лично не только выяснить причины столь пристального и травмоопасного внимания, но и изрядно разбогатеть. Дележка сокровищ дружбу с ярлом в итоге только укрепила. Как и феодальные мечты бывшего журналиста.

Известные случаи победы над такими мертвецами были штукой удивительно редкой и почетной. Но для феодальной карьеры нужен был непременно военный опыт. И тоже желательно удачный.

Размышления на эту тему занесли Игоря весной во главе двух дюжин наемников в состав ополчения Торгового Союза⁸. Все это вылилось в полугодовой поход, где дело пошло так удачно, что его идеи стали восприниматься другими предводителями вполне благосклонно.

И опять, казалось «счастье» – вот оно. Бери и пользуйся! Но судьба снова приподняла ставки.

Разгром племени Каменных выдр и грабеж их главной крепости и прилегающей плодородной долины, дал очень богатую добычу. Но отход с нею, совпал по времени с очередным набегом сильной армии местных гегемонов – полукочевого государства аваров. Противопоставить сочетанию тяжелой кавалерии и конных лучников, было нечего. Особенно при их шестикратном превосходстве, поэтому уйти без драки можно было, лишь бросив добычу. Игорь предложил третий вариант, и не проиграл.

---

⁷ Ушедшие (фриз.) – дословно «тот, кто не здесь».

⁸ Торговый Союз – состоит из 14 сильнейших племен побережья, заинтересованных в торговле со степью через Врата батавов, и четвертого – самого слабого племенного союза фризской конфедерации – батавов, удерживающих земли с той стороны хребта. Каждое из племен выделяет в общее войско, так называемую «Торговую тысячу», не меньше 60 опытных воинов, которые с весны до зимы помогают батавам сдерживать недружественные степные племена.

Множество стычек в уости Врат батавов дали время каравану уйти. И мало того, даже когда их половину войска конница аваров смогла разгромить и прижать к скалам, из-под удара повезло уйти почти трети воинов. Оставшиеся телохранители сумели вынести и его самого.

В подобных походах чаще всего участвуют младшие сыновья родовой и племенной знати, не рассчитывающие на семейное наследство. Хотя есть, конечно, выходцы из разбогатевших общинников или простых земледельцев, кому неизмеримо скучно копаться в грязи на одном месте. Главное, что их всех объединяет – это поиск иной, более высокой судьбы.

Большинство выживших поклялись в верности своему случайному, но очень удачливому предводителю. Но, помимо заметно раздавшегося самомнения, ему это принесло и весомые сложности. Как минимум – немалые заботы.

Среди воинственных и склонных грабить соседей фризов часто появлялись морские ярлы. Каждый из них на собственный вкус строил отношения с хирдом, но были здесь и некоторые стандарты. Например, такой ярл не был обязан содержать дружину, регулярно снабжая серебром, как ярлы-правители племен. Лишь кормить, обеспечивать место для сна, и самое главное – организовывать возможность получать добычу.

То есть Игорь до сих пор не знал, сколько точно стоят вещи и товары, хранящиеся в его личной кладовой. В особенности после недавнего похода, поскольку все, кто прикрывал караван, получили двойные доли добычи. Только монет и драгметаллов у него прибавилось почти на шесть тысяч гельдов⁹. Но опытных воинов не станешь кормить, как рабов или бондов, поэтому спящие и едящие 138 хускарлов – это все равно не меньше 300-350 монет в месяц. Рассели их в корчмах и тавернах небольшого поселения – вдвое больше, не меньше гельда в неделю, на проживание и питание. А уж, например, в таком дорогом портовом городе, как Линкебанк и вовсе чистый грабеж. Поэтому и получалось, что хирд – штука нужная, но содержать его лишь ради престижа – глупость несусветная.

Вот необходимости искать работу для хирда и стала серьезной проблемой. Однако выход нашелся.

Ярл ивингов Эрвин Сильный всегда держал себя, как добрый друг и мудрый советчик. Согласился он и в этот раз подсказать, куда можно было бы применить полученную силу с пользой для кошелька и собственного будущего. Правда, предложенная «работа» была не то чтобы простой.

И это была вторая причина, почему Анвар, уставший изображать из себя овощ, и напросившийся в поход, пытался поначалу осторожно критиковать своего более молодого, но такого прыткого товарища.

* * *

Совместный ужин за общим костром с теми, кого Игорь назначил своими «офицерами», был одним из тех самых нововведений, не нашедших поначалу понимания у бывшего подмосковного архитектора. Именно здесь обсуждались итоги дня и планы на ближайшее будущее. Игорь, в отличие от Анвара понимал, что может просто приказать, но лучше, если десятники все же будут понимать хотя бы их ближайшие шаги.

Главная цель похода и секретные пункты предложенного ярлом плана, конечно же, оставались тайными, но в остальном – каждый из предводителей дружины знал, что будет делать завтра, мог задать любой вопрос, и почти свободно высказать свое мнение или предложение.

«В конце концов, они смогут намного увереннее отдавать приказы хускарлам, а те – их выполнять, – заметил Игорь, в ответ на очередной «наезд» своего немолодого товарища. –

---

⁹ Гельд (фриз. [gēlt] – цена) – серебряная монета содержащая 1,7 гр. чистого металла, диаметром в 18-21 мм; из-за низкого уровня технологий имеет неровную округлую форму. Традиционно украшалась изображением знака мирных намерений – ладони, – так как изначально чеканилась для выплат штрафов за убийства или ранения.

И самое главное – почти все они воюют минимум лет по десять, и уж точно побольше меня разбираются во всем этом».

Тот разговор состоялся на второй день после выхода из Эверберга, и за последние шесть – больше обвинений в излишнем либерализме не звучало. Но стоило сейчас закончиться ужину и десятникам разойтись к своим подчиненным, как Анвар снова подтвердил, что на счет самой идеи постоянно «ворчать» – он все еще не передумал. Не нудный, но куда как настойчивый, он опять издалека начал подводить к мысли, а не слишком ли опасна нынешняя задумка.

– Вроде Черчиллю приписывают мысль, что даже чрезмерно честолюбивые планы, все равно гораздо лучше их отсутствия, – снова попробовал отшутиться Игорь. – Не берусь слишком уверенно судить на счет его истинной успешности, как политика, но мысль мне кажется здоровой.

– Ну, можно же выбрать ближайшую цель менее... амбициозной? Если погибнут слишком многие, оставшиеся же просто разбегутся!

– Анвар, из тех, с кем я оставался прикрывать караван с добычей, выжила едва лишь треть. Из моих собственных наемников – чуть больше, – половина. Но сейчас почти все они принесли клятву. Логика вам не шепчет, что здесь чего-то не так?

– А как себе объясняешь?

– Я – первый спросил!

– А я – старше!

– Нет, я!

Они расхохотались искренне и беззаботно, лишь сейчас, снова почувствовав то, почти забытое за последнее полгода, чувство доверия и приязни.

– Умирать фризы, конечно, не рвутся, но главное для большинства из предпочитающих ходить в походы, а не за сохой, – громкая и щедрая победа. Потому что выжившим, она дает действительно слишком много. Я точно знаю, что те, из моих дружинников, кто числился приживалами при старших братьях или родителях, в итоге смогли купить своим семьям, как минимум собственные фермы. Правда, большинство из них жили, как перекасти-поле и предпочли влиться в самих себя. В смысле потратиться на хорошее оружие и броню. В обычном походе им ничего такого не светило...

И понимаете, – Игорь заговорил после недолгого молчания, – если отбросить нашу пикировку, то приемлемых вариантов всего два. При одном – я выкупаю у ярла Эрвина или отбиваю у горцев по соседству с его землями кусок территории, – моего хирда на это вполне хватит. Потом, набираю рабов, пытаюсь реализовать идеи, что роятся под черепом, и жду, что случится раньше – мы станем важным промышленным центром или закончатся мои неожиданные богатства.

– Это как? В смысле – почему «закончатся»?

– Чисто экономическими методами, с учетом здешних реалий, «богатеть» придется чертовски долго. Ни я, ни вы, ни девчонки – ни разу не инженеры. Приспособить любые наши идеи и как-то превратить их в деньги, будет еще тем подвигом...

– А разве их традиционные способы – не помогут? – удивился Анвар.

– В горах этими самыми «традиционными способами» – не разбогатеешь. К центральным землям фризов прилегает огромная горная страна. Но с нашей стороны хребта не так уж много пастбищ, а мест, подходящих для земледелия и еще меньше. Думаете, почему за две тысячи лет эта часть горцев-янгонов не замирилась, и отчего их так мало? На тамошних кручах можно легко защищаться, но процветать – сложно. Поэтому поймите: награбленного в Долине мертвых и во время недавнего похода на каменных выдр – может на долго не хватить, и к моменту, как собственные ресурсы помогут создать действительно прочное положение, пройдет действительно много лет. И гарантий, кстати, никак не больше, чем с попыткой повоевать.

Идея взять власть на землях треверов¹⁰ военными методами только выглядит чистой авантюрой. На самом деле план, предложенный ярлом, звучит очень убедительно и перспективно. Я вам просто не могу пока все рассказать, но самое главное: если он будет успешным, на тамошних ресурсах, я смогу изрядно повысить наши шансы. На богатых землях, попытки прогрессорства будут бонусом, а не единственным шансом на выживание. Кстати, сама по себе идея вызвать скачок технологий просто опасна!

– Опасней, чем напасть кучкой солдат на целый народ? – было видно, что сейчас Анвар критикует, не иронизирует, а всерьез пытается разобраться.

– Я, конечно, могу ошибаться, но есть внутренняя уверенность, что зарабатывать серебро или даже золото на технологиях, которые мы можем «родить» – неимоверный убыток. Единственное на что стоит менять знания – это власть! Точнее – ее укрепление.

Игорь с силой свел кулаки у груди, и с хрустом и явным напряжением переломил крепкий кусок валежника, который не выпускал из рук за все время разговора. Отправив в огонь сначала одну, потом вторую половину палки, он немного помолчал, и неожиданно дополнил:

– Доверяю ярлу больше, чем кому-нибудь еще, и уверен – он относится ко мне очень по-родственному. Почти как к сыну... Но это не мешает мне помнить, что в первую очередь он правитель – «политик», а значит, способен наплевать на любые чувства и «отношения». Пока не стану действительно независимым, – со своими землями, подданными, крепостью – не стану рисковать нашей дружбой.

На этот раз собеседники обменялись не такими веселыми, но более понимающими улыбками.

– Ладно, давайте по палаткам! Уже поздно, а нам предстоит «подвиги»...

* * *

Рыбацкий порт Линкебанка. Утро

Оживи Бальдр¹¹ прямо сегодня, минуя Рагнарёк и все сопутствующие ужасы конца времен, вряд ли бы это порадовало жалобно постанывающего мужчину. Ну, разве что самую малость. Все-таки, даже столь пропащее существо имеет некий долг перед предками и родней.

Единственное, что сейчас ему было бы по-настоящему приятно, так это сговорись асы со своими врагами перенести предсказанные «беспорядки» с равнины Вигридр сюда. Судя по «родным» серым стенам и узнаваемым зарубкам на них: знакомая комната под потолком самой смрадной портовой харчевни была вполне подходящим местом.

Глядишь, кто-то из лучших жителей Вальхаллы¹², бросив сражаться друг с другом, жрать мясо нескончаемого вепря¹³ и надираться козьим медом¹⁴, так по этому поводу расстроится, что не побрезгует замарать свой меч в крови самого недостойного стража Линкебанка. Ну, или как минимум, выпившего вчера больше всех остальных. Не часто тебе предлагают столько серебра по столь странному поводу.

---

¹⁰ Треверы – одно из 17 племен, формально входящих в племенной союз токсандров – восточной части конфедерации фризов. Удерживают земли между двух крупных притоков Восточного Рихаса. Основная часть родов имеет кельтские корни, однако титул ярла уже более 400 лет удерживает германский род Хундингов. Перемешивание шло активно и внешне их не различаешь, но при внутренних конфликтах этот факт регулярно всплывает.

¹¹ Бальдр – прекрасный бог весны в германо-скандинавском пантеоне; сын верховного бога Одина и богини заступницы людей Фригг. Его гибель стала предвестницей неотвратимости предсказанного Рагнарёка – гибели богов и всего мира, следующей за последней битвой между асами и хтоническими чудовищами.

¹² Эйнхерии – лучшие из павших в битвах воинов, удостоенных попадания в германо-скандинавский рай – Вальхаллу. По преданию, в Рагнарёк 800 эйнхерий во главе с Одином и другими асами, вступают в битву с чудовищами и великанами.

¹³ Сехримнир – вепрь-кабан, которого варят в Вальхалле каждый день, чтобы подать к столу воинам, однако к вечеру он снова оживает целым.

¹⁴ Хейдрун – в германо-скандинавской мифологии коза, щиплющая листья Мирового Древа Иггдрасиль с крыши Вальхаллы. Ее неиссякаемое медвяное молоко питает эйнхериев.

Точнее – Короткому Гайзу так вообще впервые предложили такую работу. От нее дурно пахло, но предложенный кошелек был уж больно тяжел.

– О, как же мне погано! – впервые за утро еле слышно простонал он вслух.

Только в этот момент мужчина осознал, что оглушающий грохот в ушах – это не удары измученного сердца, из-за вчерашнего веселья. В хлипкую дверь долбили и, судя по всему, уже давно. Еще через мгновение он начал слышать хоть что-то кроме сотрясающей кровать вибрации и собственного мысленного нытья.

– ...когда уже ты очнешься dwarфово отребье?! Если я из-за тебя сломаю дверь – никуда не денешься, еще и за нее заплатишь!

Голос звучал вовсе не зло или, например, устало. Скорее – упрямо и... не без ноток любопытства. Судя по тому, что вместо Толстой Эльзы ругаться надоело даже ее старому мужу-трактирщику, продолжалась эта безнадежная битва слишком давно. Все что мог – он уже сказал, а значит, сейчас лишь исполнял отточенную за годы песню – «Клиент-идиот, создает мне проблемы». Ну, или не менее популярный грустный шлягер, который подходил почти к любому случаю – «Как мне все надоело, и когда же я сдохну...»

– Пить. Пить! Пи-ить!

Очередная попытка слиться с чужой «серенадой», едва не вызвала рвоту. Гайза замер, пережидая приступ, и как опытный пропойца, предпринял следующую попытку лишь отдышавшись.

– Заткнись уже, жирная морда! Пить...

Вряд ли у болезного получилось заметно громче, чем минуту назад. Но очевидно еще в прошлый раз, трактирщик что-то расслышал. Поэтому сейчас он легко прервал утомительные жалобы на жизнь, и тут же поспешил сообщить: он тарабанит ногами, лишь оттого, что руки заняты кружкой пива.

– Уже не такого прохладного, как пол стражи¹⁵ назад, – мстительно уточнил хозяин.

«Будь ты проклят, старая жаба!»

С трудом перевалившись через край невысокой скрипучей койки, последнее пожелание Гайза лишь подумал, не желая рисковать и так почти закончившимися силами. Выбор оказался здоровый, и его все-таки не вырвало. И это не смотря на то, что секунду назад он обеими руками приземлился в отвратительно склизкую лужу с кусками едва пережеванного мяса и комками полупереваренных овощей.

«Ага! Все, что должно было случиться, произошло еще вчера...»

Как ни странно, это заметно приободрило взмокшего гуляку.

Переждав вращение и очередные взбрыки непокорной утробы, Гайза отправился к запертой на щеколду двери самым надежным способом из доступных: на четырех конечностях, вместо двух традиционных.

О, нет, никакого неожиданного озарения! Способ ему был знаком давно, и множество раз опробован. Оставляя липкие пятна в форме собственных ладоней, он довольно уверенно принялся метить тропу в сторону входа.

Конечно, Короткий Гайза предпочел бы плюнуть на все, и отлежаться, выпив кружку пива. Пусть и теплого. Дядя, старший над сегодняшней сменой Южных ворот, прикрыл бы своего непутевого родича. Но тогда с открытием въезда в город, никто не оскорбит одного морского ярла, не случится скандала, а небогатому стражнику придется вернуть 60 гельдов.

Которые, кстати, уже частью розданы кредиторам, а частью потраченных на шлюх и вино.

---

¹⁵ Стража – непостоянная единица измерения времени, равная приблизительно двум земным часам. Фризы, янгоны и их ближайшие соседи делят сутки на 12 страж: время от рассвета до полудня – это три утренние, от полудня до заката – три дневные, от заката до полуночи – три вечерние, и от полуночи до рассвета – три ночные.

Нет, конечно же, 60 полновесных серебряных блестяшек были большими деньгами и составляли почти половину годового жалования местного стражника, но проблема была в другом. Мужчина до дрожи боялся своего нанимателя, и очень не хотел бы вызвать его неудовольствие.

«...и все-таки, зачем клятому ивингу все это нужно?!»

Вчера было не до размышлений, но этот проблеск сознания стал последним, о чем успел подумать пропойца, прежде чем выпрямиться вдоль стены, откинуть щеколду. В процессе подвига он на много ударов сердца потерял возможность связно соображать все-таки блеванув под ноги попытавшемуся войти трактирщику.

* * *

Южные предместья Линкебанка

Городские ворота и рогатки в предместьях разомкнулись с первыми лучами светила. Едва восход подкрасил небо, как центральные кварталы привычно отозвались на это звонкими одиночными ударами в било¹⁶, возвещая о первой утренней страже. Как собственно и всегда.

Наружу потянулись путешественники и купцы, внутрь – немногочисленные припозднившиеся вчера гости и терпеливо ждавшие сигнала окрестные земледельцы. Поденщики и рабы из ближайших поместий, бонды или их слуги с многочисленных ферм, проснулись заметно раньше, и сейчас спешили превратить результаты своих трудов в звонкое серебро.

Огромный, почти 30-тысячный город жаждал свежей рыбы и дичи, собранные накануне плоды этой щедрой земли и откормленных в здешнем изобилии животных и птиц. Число временных гостей было и подавно не сосчитать, но все они хотели завтракать, а кто-то – планировал, еще и отобедать или задержаться на ужин.

Нуждался Линкебанк в вине, пиве, дровах и еще в сотнях наименований товаров. И два встречных потока несли необходимое. Они были его кровью, самой жизнью города, но нырять в него, пришедшие накануне воины не торопились.

Конечно же, в доиндустриальные эпохи люди привыкли жить с рассвета до заката, а потому с первыми лучами ожил и их лагерь. Однако ничто не указывало на желание покинуть «оккупированный» накануне луг. Под котлами задымили новые костры, шатры остались на своих местах, а коноводы потянулись к ручью, но напоив – никто не спешил массово седлать холеных скакунов или впрягать их в колесницы.

Когда с дальней, противоположной от дороги стороны лагеря принялись на извлеченных из груза шестах натягивать широкие отрезы холстины, стало окончательно понятно: пришедший хирд устраивается еще как минимум на сутки. Иначе к чему им так готовиться к дневной жаре?

Только к третьей утренней страже небольшая группа всадников при единственной колеснице двинулась в сторону предместий.

Правда, уже через пару минут повозка покинула отряд. Вынырнув на обочину вместе с четверкой телег какого-то небогатого фермера, пара опоясанных лишь кинжалами колесничих подсказала, как именно уложить выкупленные десяток рогож с ячменем, несколько корзин свежих овощей, куль крупных усатых сомов и связку из пары десятков битых накануне кур. Щедро расплатившись, они тут же повернули в сторону едва покинутого лагеря.

Судя по тому, что всадники так ни разу и не оглянулись, происходящее было запланировано, и не стало сюрпризом ни для кого кроме бонда, удачно расторговавшего почти треть товара, с одной из своих повозок еще даже не въехав в город.

В отличие от двинувших в обратную сторону фуражиров, всадники экипировались заметно серьезнее. Семеро телохранителей морского ярла вряд ли так уж верили в возмож-

---

¹⁶ Било (звонило, сторожевая доска или плита) – деревянная или металлическая доска (брус), по которой ударяли клепалом – молотком (палкой); в древности это был распространенный бытовой и сигнальный музыкальный инструмент.

ность серьезной драки прямо в городе. Поножи, например, вообще не озаботился ни кто, а наручами – снарядились только двое хускарлов с луками.

Да и то – надев их лишь на левую руку, чтобы не терять время еще и на это, если все-таки придется воспользоваться сравнительно короткими, но очень мощными приспособлениями из рога буйвола. На Земле похожее – небольшое, но далеко стреляющее и сильное оружие – до сих пор изготавливают в пакистанском Пенджабе.

При этом даже самому глупому земледельцу было понятно: воины все же «такую мысль» допускают, а значит – готовы встретить любого врага.

У седла каждого из всадников был привешен традиционный фризский круглый щит, конная пика почти в полтора роста взрослого мужа длиной, и одинаковые глубокие шлемы, которые не более как три десятка лет назад, стали делать в священной Бувайе.

Стоили они немало, но опытные воины также высоко оценили и надежность купола, выкованного из единственного куска железа, короткий козырек с наносником, отлично защищающие лицо, но совершенно не перекрывающие обзор. В кутерьме городского или лесного боя (везде, где не выстроишь стену щитов), они пусть и не гарантируют жизнь, но давали шансы куда как выше, чем подходящие для крепкого строя маски или полумаски.

Прибавьте сюда поддетые, не смотря на жару, кольчуги, дорогие клинки длинных кавалерийских мечей-спат, и становилось понятно – связываться с такими путешественниками совсем не стоило. Отряду, двигающемуся в середине правого ряда, старались уступать дорогу даже неповоротливые воны, не говоря уже об их более сообразительных хозяевах. Пусть это у них не всегда и получалось.

Даже почти четыре десятка охранников встречного крупного каравана, только начавшего покидать город, и очевидно решивших переждать в тени конец столь небыстрого процесса, слова не посмели произнести в сторону проскользнувших впритирку воинов. В остальное время, они зорко следили, чтобы соседи по тракту не смели даже на пару шагов приближаться, к бережно хранимым повозкам.

Не уловивший разницы пешеход тут же поплатился за отсутствие чутья, когда не больно, но обидно получил по шее тупым концом копья, попытавшись повторить чужой «фокус».

Хотя и у нового морского ярла с телохранителями дальше пошло не все гладко.

* * *

За въезд в город плату собирали лишь с всадников и повозок. Эдакий «эко-сбор» с гадящих средств передвижения. Поэтому отряд снизил скорость напротив плюгавого чиновника из местного магистрата, который, как раз и занимался приемом платы и выдачей специальных кожаных бирок на узду.

Их, потом предстояло предъявлять на городских воротах, уже при въезде на собственно «муниципальную» территорию, но до этого так и не дошло. «Не по плану» все пошло значительно раньше. Точнее – по плану не очевидному для большинства присутствующих. «Абсолютного большинства», судя по испуганно отвалившимся челюсти чиновнику и его охране.

Один из городских стражников вдруг всунулся в первый ряд, и начал крыть воинов подзаборными словами. Оскорбления сыпались на всех путешественников вместе и каждого по отдельности. Впрочем, наглец не пытался перейти к рукоприкладству. Как и вообще, не приближайся на расстояние, с которого его могли бы наказать без применения оружия. Такая странная непоследовательность, при столь эмоциональной речи, была непонятной...

Если явно помятый с похмелья горлопан впал в боевую ярость или посталкогольный психоз, то почему не пытается напасть? А если прекрасно себя контролирует, то, как может не осознавать, что неоправданное прилюдное оскорбление нескольких хускарлов и тем паче благородного – это штрафы такого размера, которые могут закончиться только выдачей наглеца «головой». То есть в полную и безоговорочную власть «пострадавших».

Во фризском, да и в любом другом средневековом обществе, успешные воины пользуются заслуженным уважением и почти поклонением окружающих. Не прямо современные земные поп-звезды или известные политики, но нечто близкое. Их поступки и приключения активно обсуждают, общением или возможностью принять в гости – гордятся. И так далее, с учетом иной культурной и временной среды.

Любой из семи телохранителей Игоря был не юн, опытен, и успел вжиться в этот порядок. Окажись они сам по себе, лучники – как минимум уже наспиговали бы болвана железом и деревом. Тем более, что сложные луки могут долго и «безболезненно» храниться в натянутом состоянии, поэтому воины успели извлечь их и наложить стрелы на тетиву.

Они были в ярости. И только понимание на уровне рефлексов их нынешнего места в этом мире, и признание первоочередного права командира на месть, сдерживали атаку в ожидании приказа.

Попытайся скандалист извлечь хотя бы нож, и дай этим формальное право на «защиту» господина, он был бы уже семь раз мертв. Да, это могло спровоцировать свалку с участием остальных, пока все еще растерянных стражников, но гости города были бы все же в своем праве.

Полуденный въезд в южные предместья Линкебанка оказался полностью заблокирован, но «битва» оставалась словесной. Пауза тянулась и тянулась, и в какой-то момент стала просто невыносима. Взгляды множества замерших в ужасе и восторге зрителей, начавших осознавать совершенную несуразность этой тишины, скрестились на непонятно спокойном вожаке.

Действительно, обычный хевдинг-предводитель воинов, сумевший какими-то невероятными подвигами подняться до статуса морского ярла, уже приказал бы убить наглеца на месте. Наплевав на любые последствия, и при определенной удаче даже добив вздумавших сопротивляться стражников. Но в том-то и дело: землянин не был «обычным» хевдингом.

Он осознавал, что с точки зрения традиционных фризских законов, приказ убивать в такой очевидной ситуации – в его праве. Хотя понимал, что и перебей два десятка не очень обученных городских стражей оскорбленных гостей, их бы тоже не стали наказывать. По крайней мере, слишком строго, ради случайных чужаков. Скандалиста, выживи он каким чудом, тоже – просто выперли бы и постарались замять неприятную историю.

...Но нельзя родиться в «выгребной яме», и, оказавшись во «дворце», не осознавать этого каждую секунду. Да что там – каждое мгновение. Абсолютно та же история с тридцатилетним «юношей» с Земли, который получил почти полторы сотни клинков, готовых за него умереть. Ну, или убить кого при необходимости, что согласитесь – тоже далеко не чепуха.

Чуть больше чем за месяц, к острому чувству удовольствия и гордости по этому поводу Игорь еще не привык, а потому, основную часть времени находился словно бы слегка «не в себе». Именно поэтому он довольно спокойно, и скорее, даже с ироничным удивлением отреагировал на подозрительно наглого недоумка.

«Подозрительность» всей истории в этот момент вообще оказалась очевидна только ему. Поэтому вместо того, чтобы стиснуть зубы в ярости и готовиться выплюнуть ненависть в коротком и по-настоящему смертельном приказе, Игорь перебирал все эти нюансы в голове, в поисках наилучшего выхода из совершенно дурацкой истории.

Половину из выкрикиваемого в лицо он откровенно не понимал, но и из знакомого текста можно было сделать неприятные выводы. В один из моментов, когда уставший вещать в тишине скандалист сделал паузу, в попытке отдышаться, Игорь с серьезным лицом повернулся к замершему справа старшему телохранителю¹⁷ и равнодушно уточнил:

---

¹⁷ Рудольф (с древнегерм. «известный, славный волк») – здесь, один из наемников в походе против племени каменных выдр, постепенно умом и прозорливостью выдвинувшийся в старшие телохранители, и первым принесший бессрочную «кровавую» клятву Ингвару Чужеземцу; Дольф – сокращенный вариант имени.

– Дольф, как думаешь, он нам сообщает мнение магистрата, городской стражи, или глупец всего лишь просит прервать его никчемную жизнь?

Размеренная и ироничная речь вернула дружинника в его обычное состояние. Вздвигнув, он с усилием разжал побелевшие пальцы на рукояти сабля, и что-то прочитав в глазах командира, ответил внешне так же спокойно, процитировал его недавнюю сентенцию:

– «В чужой душе трудно рассмотреть темноту»¹⁸ Может быть пусть они и скажут?

– Ну, так спроси! – уже под откровенный смех невольных зрителей этого спектакля подсказал по-прежнему невозмутимый морской ярл, и задумчиво повел взглядом куда-то вверх.

«Что за...»

Только резкий и неожиданный удар в плечо прервал внутренний монолог Игоря, и не позволил тяжелой арбалетной стреле раздробить ему голову. Экс-журналист, на мгновение оказался практически беззащитен, растерянно замерев, неожиданно столкнувшись взглядом со стрелком в приоткрытом чердачном окне. На очень важное и решающее мгновение...

* * *

С этого момента события завертелись с едва уловимой скоростью.

Неумеги из городской стражи довольно грамотно откатились, создав за линией щитов надежный сомкнутый строй. Правда, ни один из них не обнажил оружия. И пусть короткие ростовые копья они, конечно же, не бросили, но их отточенные лезвия продолжали указывать точно в небо, как бы сообщая, что «воины беспокоятся за свои жизни, однако ни кому не угрожают».

Практически одновременно с этим, оба лучника-телохранителя принялись методично забрасывать опасный чердак стрелами, присматривая за двумя другими окнами этажом ниже, да и на всякий случай – вокруг.

Едва не погибший землянин смог удержаться верхом. Однако посчитав, что гарцевать сейчас не ко времени, поступил максимально логично: соскользнул из седла и, прикрывшись надежным боком дорогого аварского мерина¹⁹ и собственным щитом, принялся ждать хоть каких-нибудь итогов.

Жизнь Игорю спас Людвин²⁰, 25-27-летний телохранитель родом откуда-то с западного побережья. В воинских науках он может и не сильно превосходил некий средний по хирду уровень, но в отличие от большинства своих земляков, действительно отлично держался в седле.

Именно он остался и дальше прикрывать предводителя, когда остальные четверо телохранителей во главе с Дольфом, пришпорили лошадей, пытаясь заблокировать заднюю сторону двухэтажного дома. Разбрасывая и так не рвущихся в первые ряды зрителей, всадники довольно жестко прорвались за ближайший поворот.

В короткий срок улицу покинули, все кто мог. В отличие от обреченных и дальше торчать погонщиков и купцов. Их охрана сгрудилась у подотчетных повозок, но не пыталась вмешаться ни на одной стороне.

И в этот момент, из-за стены щитов высунулась хитрая морда представителя магистрата. Опытный в интригах крысеныш первым сообразил, что попытка стражей порядка отсидеться в такой ситуации, будет слишком уж подозрительной. Тем более что именно их идиот Гайза, по прозвищу «Короткий», и оказался закоперщик бардака.

Все это Игорь узнал из первых рук, и получил заверение, что «городской магистрат очень сожалеет, и предпримет все необходимые действия».

---

¹⁸ Вольный пересказ на фризской пословицы «Чужая душа – потемки!»

¹⁹ Мерин – кастрированный жеребец, были популярны в качестве классической степной кавалерии, поскольку без желания спариваться они менее драчливы и могут находиться в группе вместе с другими лошадьми.

²⁰ Людвин (от древнегерм. [liut-] народ + [-wini] друг) – Народный друг.

Вряд ли мелкую чиновную сошку кто-нибудь успел уполномочить на такие заверения, но хевдинг принял предложенные правила, а потому уже через минуту половина стражи принялась наводить порядок, а еще десяток при двух секирах попытался прорубить массивные двери в дом.

Вся эта порча личного имущество сопровождалась громкими заверениями, что злоумышленникам лучше открыть самим, но понимания эта разумная тактика не нашла. Внутри удалось попасть только минут через двадцать, когда изнутри голосом Дольфа предупредили, что «тут уже никого нет, и они сейчас откроют».

Незадачливые «дверорубы», успевшие еле-еле углубиться сквозь переплетение бронзовых полос и массивных дубовых плашек, с явным облегчением оставили вход в покое. Однако услышав заверение, что заднюю дверь хускарлы нашли открытой, а в доме никого живого, они с заметным энтузиазмом рванули внутрь, озабоченные явно не только расследованием. Или совсем не им.

Иронично хмыкнув, Дольф предположил, что хоть у кого-то сегодня будет удачный день, и некие недотепы кажется слегка разбогатеют.

И правда, даже если кто-то из владельцев имущества не участвовал в нападении или сумел выжить, попробуй, угадай, что взял коварный убийца или убийцы, а что – «благородные защитники».

Чиновник невозмутимо проигнорировал выпад, то ли решив сконцентрироваться на главном, то ли опасаясь пререкаться с разгоряченным воином. Любой из предложенных вариантов, позволивший доходяге избежать неловкой ситуации, давал Игорю повод испытать к этому человеку даже некоторое уважение.

Еще раз, теперь уже заинтересованно оглядев его, он на некоторое время задумался, гоняя по голове промелькнувшую идею. Размышлять на ту же самую тему, бывший журналист продолжал все время, пока Дольф озвучил логичные и вполне ожидаемые наблюдения.

Когда телохранитель замолчал, Игорь еще некоторое время искал какие-нибудь неожиданные знаки на лице представителя магистрата.

Не дождавшись ни слов, ни попытки уйти, он хмыкнул непонятно чем довольный и, понизив голос до минимума, практически в лоб озвучил свое предложение

– И как зовут представителя столь славного города?

– Фуса²¹, господин! – пояснил собеседник, снова не проявив ни капли инициативы.

– Ливэ Фуса, среди моих воинов, немало бывавших здесь. Кто-то прожил долгие дни, путешествуя по своим делам, – Игорь точно не знал, но сейчас это было и не важно. – Однако сомневаюсь, что хоть один из них знает эти улицы лучше тебя. Неужто такого достойного фриза не возмутили подлецы, смеющие беззастенчиво резать добрых горожан?

Проявляя прежнюю сдержанность, тот все же с готовность кивнул.

– Совсем недавно я хорошо повоевал за Вратами батавов. И судя по тому, что до сих пор жив, моя удача все еще со мной, – Игорь позволил себе улыбнуться, в ответ на выражения лиц слушателей, явно оценивших шутку. – А вот в чем легче всего убедиться тебе, так это в том, что в моих карманах достаточно серебра, чтобы быть щедрым. Очень-очень щедрым!

С последним уточнением, в поясную сумку Фусы перекинул кошель, с двумя десятками полновесных гельдов. Сумма вроде не такая уж и «великая», но по большому счету – лишь за намерения. То есть ни за что.

Секунды, что прохиндей держал мешочек в руках, он как-то сумел его полностью оценить, потому что маска чиновника ненадолго треснула, и некоторое время на лице его сияла самая честная, скорее даже – искренняя, – алчность.

* * *

---

²¹ Фуса – от древнеангл. [fus] старательный, ревностный, жаждущий, готовый (сделать что-либо).

Еще до выхода в поход – в Эверберге, – в одну из дюжин Игорь свел десять хускарлов не моложе сорока. В отдельное подразделение он собрал самых уважаемых воинов, в большинстве своем с опытом службы в других хирдах. При этом определяющим было их умение и готовность возиться в будущем с молодняком и присматривать за порядком в лагере. Куда бы его дружина ни направилась, за обоз всегда необходимо будет кому-то отвечать. Тем более в нынешнем очень дальнем походе.

Возглавил эту смесь военной полиции и учебной роты, его бывший старший десятник Эгир²². Это позволило сохранить за ним прежний статус, одного из самых главных офицеров, теперь уже хирда.

Племенные ярлы, у которых хватало и других забот, обычно назначали отдельного человека предводителем дружины. Однако учитывая, что кроме казны и хирда у Игоря ничего пока собственно и не было, назначаемую должность «хевдинга» своего хирда, он решил сохранить за собой. Просто часть обязанностей перераспределил между остальными десятниками. Заодно получив возможность понять, кто есть кто, и не ошибся ли он с назначениями.

В импровизированный «военный совет» хирда нового морского ярла, кстати, вошли пятнадцать человек. В большинстве своем это были командиры десяти полноценных штурмовых дюжин и, конечно же, Эгир, руководивший, как своим десятком ветеранов, так и почти полтора сотнями рабов и слуг. Среди последних числилось почти 60 младших сыновей бондов, набранных среди ивингов.

Это были юноши от 14 до 18 лет, не пожелавших «вовремя» жениться, завести семью и остаться на всю жизнь в поле. Их еще только начали обучать для будущей младшей дружины, где юным мужчинам предстояло стать лучниками, арбалетчиками, копьёметателями и возницами боевых колесниц. Правда, и сейчас и в дальнейшем, все это не исключало много ежедневной работы по лагерю.

Следующим «в списке», но далеко не последним по значению, в совете числился Рудольф.

Если раньше «главным телохранителем» он стал как бы само собой, то теперь – с шестью подчиненными, – воин получил и официальное подтверждение должности, и статус старшего десятника. И бойцов в этот отряд подобрали исключительных.

Даже с их общим уровнем умений, любой природный ярл взял бы таких в хирд без колебаний. Большинство слабых бойцов среди оставшихся прикрывать караван, просто не выжили. Но при этом кто-то из телохранителей виртуозно владел секирой, другой – считался признанным мастером-мечником, еще двое – были прирожденными лучниками, и так далее.

Тот же Людвин, сохранивший накануне жизнь своему командиру, считался, например, бесспорным умельцем по части конного боя. Он был способен не хуже какого-нибудь ветерана-степняка, действовать с седла мечом, копьем или дротиком.

Немолодой тороватый воин Карл, прозванный за повышенную «хозяйственность» «Робаром» (Вороном), присматривал за отрядным имуществом в походе на каменных выдр и спокойно отсиделся в Эверберге на самом опасном – последнем этапе. Но позже – он тоже принес клятву, и сейчас входил в совет в качестве совещательного голоса и живого «справочника». Его задачей, было всегда и совершенно точно знать: сколько и каких продуктов и снаряжения есть, в каком оно состоянии и насколько всего этого хватит.

В похожем положении находились еще двое: экс-землянин Анвар и, присланный в качестве «офицера связи», опытный воин из хирда ярла ивингов Эрвина Сильного. Последний,

---

²² Эгир (древнесканд. [-ægir-] море) – имя в честь ётуна (великана) Владыки моря; второстепенный персонаж, впервые появляющийся в книге первой «Конунг: Вечный отпуск» в качестве одного из десятников ополчения во время похода в Долину Некрополей; затем, уже для похода против племени Каменных выдр, Ингвар Чужеземец снова нанимает его и ставит старшим десятником над двумя дюжинами собственных наемников. Воин выжил во время прикрытия каравана с добычей, а после – принес «кровавую» клятву.

кстати, был единственным кроме Игоря, кто в этом походе точно знал все тонкости задуманной авантюры.

Ну а бывший подмосковный архитектор предыдущий год так настойчиво перенимал местные представления о строительстве, что с учетом привезенных знаний, мог бы считаться, пожалуй, самым грамотным зодчим всего побережья, если не континента. Правда, на практике все это еще только предстояло проверить.

* * *

Воинский лагерь хирда Ингвара Чужеземца

Все, кто хоть что-нибудь решал в дружине, сейчас находились под огромным навесом, натянутым в том числе, и над шатром предводителя. Недорогая выбеленная холстина отражала прямые лучи, а прохладный ветерок с едва заметным привкусом великой реки, сдувал пыль и гомон проходящего рядом торгового тракта. Это могло бы сделать разговор легким и приятным, тем более что по кубку разбавленного охлажденного вина получили все желающие. Но трудно участвовать в «легком» обсуждении покушения на твоего командира.

Не начальника – в земном смысле, но человека, с чьей удачей и вполне предсказуемым возвышением, ты решил связать все свои планы на будущее. Среди предводителей не было порывистых юношей, но часть из них пока была не способна сдерживать негодования.

В эти времена карьеры редко становились по-настоящему неожиданными. Нанимаясь сегодня – к одному, завтра – к другому, послезавтра – к третьему благородному господину или, например, купцу, не добиться настоящего доверия, а значит и подлинного почета. Даже во главе дюжины хирдманов владельцы предпочитали ставить людей, чьи семьи служили их роду ни одно поколение. Поэтому тех, кто успевал продвинуться лишь подвигами или удачей – в рамках статистической погрешности.

Иначе было лишь в одной ситуации: когда «карьерист» приходит к недавно возвысившемуся предводителю, без множества поколений вассалов и слуг. Вот как сейчас. И пусть он вознесся, в том числе и твоей волей, все же такая ситуация штука редкая.

Каждый из них готов был следовать за Ингваром Чужеземцем лишь ради шанса на новую богатую добычу, но вчера – клятва, а сегодня – они уже идут за чужими землями, чтобы сделать их не только его, но в том числе и своими.

И тут какие-то твари собрались отнять эту мечту?! О, как же хирдманы сейчас были злы...

Решив дать время пошуметь, Игорь отвлекся, залюбовавшись единственным человеком, не принимающим участия во всей этой рефлексии.

Нет, конечно же, пойми высокая и яркая Гульдан, что с правом собственности на нее сегодня могла возникнуть путаница, она бы тоже распереживалась. И возможно не меньше его офицеров. Но первая «призовая» рабыня из недавнего похода по-прежнему не очень-то хорошо говорила на фриза. Поэтому занимаясь какими-нибудь делами, предпочитала не очень-то вникать, в речи этих неистовых воинов. Пусть они и без труда, как неотвратимая небесная кара, разгромили ее племя, но ведь не оспаривают власть ее господина, а значит – пусть шумят, о чем им вздумается...

«Гульдан» – на языке тамошних горцев означало «Дом цветов». И на взгляд Игоря, она на самом деле была куда как привлекательнее чем любое отдельное растение или даже целая клумба. Стройная и, не смотря на выдающиеся женские формы, как-то сохранившая милую девичью хрупкость, она с такой грацией пополняла кубки разведенным вином, что некоторые воины сбивались с речи и ненадолго напрочь теряли нить рассуждений.

Может быть, от личных переживаний к конкретным планам, его офицера смогли так быстро перейти не без помощи этого «отвлекающего фактора». Уже минут через двадцать хускарлы смогли вдумчиво выслушать рассказ Рудольфа о том, что семью, слуг и самого мелкого городского перекупщика, судя по состоянию тел и загустевшим лужам крови, вырезали еще

накануне вечером. А значит подстрелить хевдинга неизвестный «он или они», вряд ли пытались лишь потому, что не успели покинуть жилище. Тем более что поведение облаявшего всех Гайзы, и правда больше было похоже на попытку задержать ярла и отвлечь его охрану, чем на спонтанную ярость.

Почти все согласились и с Эгиром, заявившим: без взаимной драки история с городской стражей обошлась чудом. И в этот момент взгляды всех скрестились на Игоре. Действительно, его «необычная» выдержка и из-за этого неудача с попыткой стравить пришельцев с хозяевами, стала первой причиной того, что покушение пошло незапланированно.

Второй, и возможно не менее важной удачей, признали решение их хевдинга, выдвинулся в Линкебанк лишь ближе к полудню.

Присутствующие здесь же, как непосредственные участники телохранители, сошлись во мнении, что рассмотреть арбалетчика на темном чердаке, удалось лишь из-за того, что светило было почти в зените. Вряд ли в другое время кто-то сумел бы рассмотреть чердак дома, расположенного с правой – восточной стороны. Лучи восходящего светила обязательно ослепили наблюдателя.

Но даже без учета драки и ярких лучей, успешный «толчок» Людвина тоже признали изрядной удачей. И вслух это уже не прозвучало, но собравшиеся молча пришли к согласию: боги все утро настойчиво благоволили их вождю.

Чуть позже, уже уйдя с совета, Дольф присоединился к паре других десятников. За поздним обедом он со смехом признался, что даже в этой опасной ситуации, их ярл не просто выжил, но и «накрутил хвост магистрату».

Те были вынуждены собрать спешное заседание городского совета. Телохранителей не признали пострадавшей стороной, поскольку они в тот момент не принадлежали себе, но за оскорбление благородного, Короткого Гайзу заочно приговорили к штрафу в 30 волов²³ в пользу Ингвара Чужеземца.

– Ни какое его имущество не стоит и половины, потому сейчас у него дома стража и, если глупец не оправдается, то и халупа и пара старых рабов, да и попадись – он сам, – пойдут в уплату долга. Брат его отца тоже служит в страже, и возглавляет караул Полуденных ворот, поэтому он упросил не убивать племянника. Поклялся выкупить живого, доплатив недостающую часть штрафа... Серебро просто липнет к нашему господину, – с удивленной улыбкой признал хускарл, вызвав одобрительный смех сотрапезников.

* * *

Поздний вечер того же дня

У самого Гайзы все складывалась совсем не так радостно.

Сумев довольно легко сбежать, он целенаправленно рванул в сторону рыбацкого порта, в поисках забвения. В карманах еще оставалось немного серебра, в голове – прибавилось грустных мыслей и подозрений, и встречи со своими нанимателями он предусмотрительно решил не искать.

Покинутая еще до восхода комната по-прежнему благоухала всеми недавними запахами, хотя следы и старательно замыли. Но бывшему стражу и уважаемому человеку, на все было плевать.

Хотя, ну как «уважаемому»...

В городской страже без знания хотя бы обыденных – не храмовых рун и счета было надеяться не на что. И у юного Гайзы были все права рассчитывать на удачный жребий.

Род их был не из благородных, но доступ к учебе при городском храме и денежное место после – гарантировал. Поэтому он прекрасно знал, что далекие предки их народа говорили на

---

²³ Номинальная (судебная) стоимость вола – 36 серебряных гельдов, то есть 30 волов – это 1080 гельдов, или почти 1,8 кг отчеканенного металла.

немного ином – более простом языке, и словом «гайза» обозначали, как настоящее копьё, так и малое копьё – дротик. Сейчас слово понимали однозначно, но когда от парня сбежала жена, злопыхатели не поленились привесить ему прозвище «Короткий».

Как бы намекая: он достоин сочувствия не потому, что взбалмошная дура с детства любили соседского сына, и за два года так и не смирилась с организованным родителями браком. А оттого, что «копьё» у ее мужа неподходящее. Короткое копьё – почти дротик.

И даже сейчас, когда Гайза умирал, он проклинал не свою глупость за то, что связался с изначально опасным и глупым делом. Он лил слезы по обиде, из-за которой так больше и не женился, не завел детей, не стал десятником, и сейчас, как безродный пес подышал в одиночестве среди обрывков старых сетей, накопленной за годы чешуи, и прочего рыбацкого мусора.

Да, по собственным и вполне понятным причинам, его бывшие сослуживцы ни сделали даже попытки перехватить глупца, а телохранителям неизвестного ему морского ярла, оказалось и вовсе не до того. Но половину стражи назад, он с ужасом узнал: привычное логово вне дома, оставалось много лет неизвестным родне, но не было секретом для нанимателей. Его скрутили, вытащили совсем недалеко – в ближайший темный угол, – и один из трех мрачных воинов, нанес десяток ударов в грудь и живот, а потом еще для надежности, подрезал сухожилия на руках и ногах.

«О, как же это было не справедливо! Можно же было убить и иначе. Вовсе не он был виноват, что тщательно спланированное нападение провалилось... Он же ничего не знал, но сделал все, как поручали!» – и именно об этом он пытался беззвучно прохрипеть вслед своим уходящим убийцам.

В кино в такие моменты должна играть музыка. Какая-нибудь грустная или только слегка меланхоличная мелодия, но обязательно с нотками тоски. Правда, жизнь слабо уважает зрелищность и предпочитает совсем иные «спецэффекты». Все внесенное в сценарий, чаще всего остается видимым лишь одному зрителю. Вот такая вечная ирония: по-настоящему оценить последний акт пьесы, удастся лишь тому, кто о ней уже не способен рассказать...

Мужчине было ужасно больно. Больно до такой степени, что он не мог даже кричать. Лежа посреди загаженной подворотни, Гайза, прозванный «Коротким», мечтал лишь об одном: о моменте, когда же он, наконец, сдохнет. И в итоге это, конечно же, произошло...

Что особенно странно, каким-то невероятным вывертом судьбы, он сумел почувствовать свою грядущую свободу за мгновение «до», отчего и умудрился в итоге умереть с удивительно умиротворенным выражением на лице. Именно оно больше всего поразило сначала проснувшихся раньше всех вечно голодных мальцов из ближайшего нищего кварталов, а потом и отряд городской стражи.

Они и унесли его догола обчищенный труп.

* * *

Удивительно, но «Магистратская Крыса» – ливэ Фус, оказался цепким парнем. Уже на четвертый день в лагерь во второй раз прискакал немолодой мужик, с фирменными фусовскими чертами лица. Отец, дядя, старший брат – Игорь не стал вникать ни в особенности их семейного подряда, ни в паспортные данные визитера.

В прошлый приезд посланец сообщил о печальной участи недоумка Гайзы и окончательно утвержденном праве на его «наследство». В этот раз – гость также совершенно буднично поведал, что убийцы найдены.

В глубине экс-журналист был даже не готов к такой оперативности, тем более что были завершены еще далеко не все дела. Но он тут же послал за своими старшими десятниками, а Анвар и так проводил большую часть времени неподалеку, потому что делать ему, в опечатанном взвинченными патрулями лагере, все равно было практически нечего.

По словам посланца, трое чьих-то переодетых хускарлов без знаков на щитах и вымпелов, скрывались сейчас в убогой халупе неподалеку от места, где и нашли бывшего стража. Уже через полчаса почти два десятка тяжеловооруженных всадников скакали в направлении города.

Фусовский родственник так гладко и грамотно вывел отряд на цель, что Игорь извелся, до последнего момента ожидал какого-то подвоха. Опытные воины в это время так лихо взломали хлипкую стену и едва живую дверь в однокомнатную хижину, что у врагов была возможность лишь проснуться, но никак не оказать серьезного сопротивления.

То, что через некоторое время двух из злоумышленников смогли взять крепко порубленными, подтверждало: это были очень опытные воины. Оттащив их в сторону, начать допрос решили с самого невредимого из пленников. И едва рассмотрев его лицо в свете факелов, Игорь облегченно выдохнул. Он уверенно смог опознать недавнего стрелка из арбалета.

Посланец в этот момент еще раз доказал наличие мудрости, попросившись не присутствовать при допросе. Мужчина вежливо это подчеркнул, уточнив, что не хотел бы ничего знать из будущих откровений.

– Кто вы и кому служите? – наконец приступил Игорь, одновременно пытаясь понять, отчего он уверен, что знает стрелка, и черты этого лица точно видел еще до недавней попытки на него поохотиться.

Единственный способный говорить пленник, презрительно молчал.

– Господин, позволишь? – уточнил Дольф и, дождавшись утвердительного кивка, повернулся к упряму. – Сейчас мы разожем огонь, заткнем тебе рот, и засунем в него ногами. Будет ждать, и каждый раз приводить тебя в чувство, до момента, пока ты не станешь ростом поменьше, и уже не сможешь «смотреть на нас свысока».

Не смотря на серьезность момента, жестокая шутка про сгоревшие ноги не могла не вызвать мимолетные усмешки даже на лице бывшего жителя XXI века. Что уж говорить, про несклонных миндальничать уроженцев средневековья. Те и вовсе откровенно загоготали, очевидно, избавляясь от недавней боевой злости.

– Внимательно осмотрите их вещи, эту халупу и сам участок! – снова вмешался в процесс Игорь. – Не забудьте изучить следы и тряпки на телах...

– А ты пока можешь подумать, – добавил главный телохранитель, заинтересовавшийся странной реакцией воина, явно вздрогнувшего на последних словах.

Поиски не должны были занять много времени, но пленник не стал дожидаться чем-то опасного ему расследования.

– Я служу благородному Эвальду²⁴, он из ивингов... – начал он обреченным голосом.

– Подожди, Эвальду, которого все за глаза зовут «Вторым», из-за того, что он имеет право возглавить племя?! – голос, чаще всего невозмутимого Дольфа, был настолько потрясенным, что Игорь в первый момент даже не до конца понял, о чем именно идет речь.

– ...точнее его жене! Змее с ледяным сердцем по имени Изольда!²⁵ – теперь уже Эгир вывалил им в спину очередную порцию откровений. – Хотя соглашусь с теми, кто утверждает, что все остальное у нее как у лучшей из женщин!

Еще один старший десятник держал в руках пояс одного из раненных и кусок исписанной кожи. Говорил он менее эмоционально, но судя по тому, как понизил голос, считал это знанием не менее опасным, чем его коллеги.

Игорь решил чуток все это «передумать», а потому самостоятельно подхватил ближайший кедровый чурбак, и принял позу мыслителя, но не тут-то было. Оказалось время открытий еще не прошло, и в разговор снова влез почти позабытый пленник:

---

²⁴ Эвальд «Второй» (древнегерм. [ewa-, ewe-] обычай, закон + [-wald, -walt] власть, сила) – Власть обычая, двоюродный брат ярла ивингов Эрвина Сильного, незначительно участвует в событиях книги первой «Конунг: Вечный отпуск».

²⁵ Изольда (древнегерм. [is-] лед + [-wald, -walt] власть) – один из вариантов перевода «Холодное золото».

– Грязные псы, не смейте так про госпожу! Жалко мы тебя не прикончили...

Последняя фраза была явно предназначена не всем «нечистым животным», а лишь хевдингу, но Игорь вместо того, чтобы разозлиться, или презрительно проигнорировать обреченного, вдруг расхохотался.

– Слушай, а ты случайно не осквернил ложе благородного Эвальда? Молчишь? О, нет, и не отвечай! Эй, заткните влюбленному дурню пасть! Ни к чему нам эти откровения... – пояснил он соратникам, и вдруг ошарашенно замер.

Взгляды телохранителей большую часть времени были направлены за пределы круга, но даже они нет-нет, а принялись бросать заинтригованные взгляды не по работе – на застывшего статуей господина.

– ... а ведь про «прикончили», ты говорил совсем не о нынешнем случае, – наконец ожил Игорь. – Вот жешь скотина, то-то я думаю, видел тебя. Он был одним из тех, кто почти год назад напал на меня в окрестностях Эверберга, и в итоге загнал в Долину Некрополей²⁶, – пояснил хевдинг спутникам, в ответ на озадаченные взгляды. – Не помню, чтобы у вас в тот раз были арбалеты... считаешь, я слишком легко тогда подстрелил твоего приятеля и решил испытать тот же способ? Вроде же он тогда остался стонать вполне себе живо?

– Это был мой побратим... – мрачно выдавил пленник. – И мы не могли свернуть в Эверберг за помощью, поэтому он не прожил и двух дней.

– Да уж, сочувствую. Среди этих подранков, кстати, нет побратимов? Тогда добейте их, – переключился Игорь на своих офицеров, – а нашего «друга» запакуйте с собой, и берегите! Его я подарю ярлу Эрвину. Может быть, у него будут еще какие-то вопросы по делам брата.

– Господин, мы же собирались ехать дальше именно к Эвальду? – напомнил Эгир. – даже если эти выполняли приказы только его жены, он все равно не простит...

– Брось! По-моему, это начало большой и замечательной дружбы...

---

²⁶ События, описанные в главах 3-4 книги «Конунг: Вечный отпуск».

Глава 2. Восточный экспресс

Лагерь в окрестностях Линкебанка. Две недели спустя

(27 октября 2018 года по «земному» календарю)

Тонкое женское сопрано в очередной раз сбилось, и снова продолжило куда-то звать. Голос почти минуту перекрикивал шум половины воинского лагеря, невольно заволаживая неритмичными сменами тональности.

Подымаясь в хрупкое изящество «серебряного» регистра, с легкостью выдавал сложнейшие рулады, и рушился до каких-то невероятно бравурных пассажей. Правда, сейчас это, почти магическое действие, уже не вызывало прежнего оживления. За неделю с момента, как Игорь наконец-то нашупал пароль к главному секрету своей очаровательной полонянки, его хускарлы успели ко многому привыкнуть. Вот и сейчас, лишь единицы отвлеклись, все-таки делая ставки на сегодняшнюю длину обыденного и одновременно загадочного концерта.

Впрочем, число незанятых выжиманием сил из многочисленной молодежи, с каждым днем уменьшалось, и прежнего множества болельщиков просто не было...

Чем острее удовольствие, тем ближе момент, когда оно становится невыносимым. Через семьдесят очередных ударов сердца коварный мучитель явно сдался, потому что звук, как обрезало. Обрушившись на нагое девичье тело и пытаясь вжаться в него, хевдинг сделал попытку продлить несправедливо короткую мужскую радость. Куда там.

Сами фризы, кстати, верили: боги позволяют мужчинам жить настолько интереснее женщин оттого, что отдать им еще и это – было бы слишком несправедливо.

Землянину было не достичь такого уровня самоуспокоения, но перебирание в уме всяких странных знаний, заметно удлиняло самые приятные из битв – постельные. Он, как всякий истинный воин жаждал только победы, а потому считал, что глупо не использовать «хитрые» приемы в схватке с более одаренной «соперницей», да еще на ее же поле.

Не сумев, как обычно, шевельнуть даже пальцем, он бессильно соскользнул со спины потерявшей, кажется всю свою влагу, Гульдан...

Ни господин, ни его юная полонянка, сейчас не смогли бы даже предположить, сколько они пробыли в этой прекрасной опустошенности. Замерев, они лежали, будто погибшие от остроты искусного физического довольства. Лишь время от времени мужчина пытался сделать новый слишком глубокий вздох, а по телу женщины проходила очередная последняя почти хтоническая волна счастья.

Отрез батиста, служивший им простынею, был тонок, смят и уж слишком пропитан щедро растроченной влагой. А потому с возвращением хоть каких-нибудь сил, лежать на нем становилось все менее приятно.

Не склонный к неоправданному альтруизму экс-журналист, с потягом и не без явного удовольствия хлопнул напарницу по тому месту, где спина зовется совсем иначе. Этот тайный сигнал означал между ними, что пора переходить к водным процедурам. Оживающая на глазах девушка юркнула в сторону импровизированной «ванной».

Потому что, как будто бы подгадав именно этот момент, у входа в шатер кто-то предупредительно кашлянул голосом Анвара, и он же в итоге вполне уверенно откинул шелковые полотнища. Привычно не утруждая себя ожиданием приглашения или, например, разрешения.

И кстати, почему это «как будто бы»? Происходящее в шатре вряд ли кто-то в ближайшей округе не расслышал. По крайней мере, на территории как минимум половины лагеря старшей дружины. Поэтому немолодой гость имел все возможности «угадать», что его ждет внутри.

Вообще, бывший подмосковный архитектор постепенно взял на себя заботы в качестве внешней и довольно самостоятельной «совести» Ингвара Чужеземца. Правда при потрясаю-

щей дипломатичности, обаянии и явно имеющемся в наличии чувстве юмора, все это не превращало их с Анваром ежедневную игру в навязчивую нудятину.

Ну и соответственно – не приводило к ссорам или хотя бы недопониманию.

– Слушай, ну как тебе не стыдно-то? – в который раз все-таки не удержался мужчина, подразумевая оставленную в Эверберге Катю.

– Здорово, правда?

На самом деле, Анвар ко многим вещам относился довольно просто, поэтому они совершенно искренне расхохотались, и Игорь лишь жестом предложил гостю садиться на традиционную стопку небольших одеял справа от себя.

Сам он предпочел последовать за Гульдан, в самую маленькую часть богатого шатра, отделенную от остальной площади плотной занавеской. Девушка только что закончила водные процедуры, окончательно пришла в себя, и готова была помочь ополоснуться своему господину.

И хотя торопиться было вроде и некуда, Игорь решил надолго не зависать под приятно прохладными струями лишь чуть нагретой родниковой воды. Опытным путем было уже ни раз установлено, к чему приведут методично и аккуратно выливаемые ковши воды и мягкие поглаживающие движения девичьих ладоней по коже. Такое «мытьё» было все же сейчас некстати, поэтому молодой хевдинг обернулся в очередной свежий льняной отрез и поспешно покинул «душевую».

За это беглец получил в спину насмешливое фырканье, но мужественно проигнорировал вызов. Впрочем, твердо пообещав себе, что отомстит. Притом «жестоко» и точно – неоднократно, но – несколько позже...

Время, кстати, его не поджимало и на самом деле.

Сначала бывший журналист несколько дней отсиживался в лагере, пережидая поиски убийц. К тому времени, когда все неожиданно быстро разрешилось, уже стало понятно, что как раз ему – никакой работы сейчас и нет. Ну, кроме тренировок с телохранителями и... более приятными, но не менее утомительными упражнениями со своим очаровательным трофеем.

При этом некие неизвестные будущие проблемы вовсе не означали, что хирду тоже необходимо отсиживаться в лагере. Еще в самом начале – лишь в ожидании развязки всей этой дурацкой истории с неудачным покушением, его офицеры принялись старательно выполнять намеченные ранее планы.

* * *

Как и было задумано: навесив на себя максимум оружия, брони и украшений, десятки во главе своих принаряженных отрядов по очереди принялись объезжать многочисленные местные фермы, хутора и поместья.

Влажный тропический климат делал здешние края богатыми, но в голове далекого от сельского хозяйства человека, рождал настоящий бардак: в Эйдинарде почти постоянно что-нибудь убирала.

Однако подробности успешного похода против каменных выдр уже разлетелись по всему побережью и для героев, выживших прикрывая великую добычу, всегда находили время, принимая не просто охотно, а с искренней радостью.

Таковыми гостями потом можно было хвастаться перед соседями, заезжими торговцами и множество раз снова и снова обсуждать их рассказы друг с другом. В деревне, хоть земной, хоть за три девять параллельных пространств – большая часть года наполнена монотонной утомительной работой года, а потому штука была куда как менее интересной.

Из таких поездок хирдманы возвращались веселыми, пьяными и не без приключений с участием поселянок. К скандалам такие нравы приводили очень редко, потому что Игорь всем однозначно заявил: будут негоразды со свободными женщинами или их мужьями, братьями и отцами, и сидеть таким неудачникам в караулах до самого конца времен.

Самоуверенные ветераны и нагловатые хускарлы с меньшим опытом, твердо обещали изображать образцы благонравия. И с какого-то момента эту фишку просекли все окрестные хозяева, и воинский лагерь у Полуденного тракта в итоге стал довольно популярным местом.

С приглашением выпить-закусить, сюда зачастили уже сами благородные и не очень землевладельцы. А что: принять полубандитов морского ярла может и почетно, но в иные времена от такой чести не отказаться, да еще того и гляди – все выльется в поножовщину.

А тут – все чинно-уважительно, да и рассказывают тебе мало кому известные подробности самого обсуждаемого похода последних лет. На фоне этого уж точно никак не трагедия, если понесет кто-то из рабынь помоложе. Между нами говоря, случись неожиданный приплод и у кого из жен или дочек поденщиков – тоже далеко не Рагнарек. Скорее невиданная удача, потому как от этих героев не может быть плохих сыновей!

Все-таки ежедневные два-три кубка сильно разбавленного вина – это далеко не загулы на разухабистых местных свадьбах. Сам Игорь редко принимал такие предложения, все же предпочитая «скучать» у себя в палатке больше, чем обаять здешние «колхозы». Оттого непрекращающийся «карнавал» с каждым днем только набирал обороты.

И пусть проливался он обильным «подарочным» дождем из стоялых медов и вин, отборнейшими долями урожая и прочими радостями, но хевдинг не мог нарадоваться, что еще в день приезда (не иначе как в момент божественного прозрения) запретил покидать лагерь более чем двумя дюжинам воинов одновременно.

Организовано все это «народное гуляние» было, конечно же, не ради неожиданного пиара или бесплатных продуктовых наборов. Еще до выезда из Эверберга, землянин мучительно размышлял, как усилить под текущие задачи хирд, и при этом обойтись без мучительного ожидания, новых профессионалов, желающие принести ему клятву верности.

Нет, будь у Игоря собственные земли, на нынешней волне популярности он мог бы набрать немало желающих, которые бы при этом твердо знали с какой стороны братья за копые.

Даже соберись он и правда, пощипать какой-нибудь из соседних – не фризских народов (как об этом и было объявлено), – сейчас был бы подходящий момент, чтобы собрать ни одну и даже ни две или три сотни временных союзников.

С удачливым хевдингом при полутора сотнях мечей, согласились бы «сходить» многие благородные. За честную долю в добыче, и правда, можно было легко набрать вдвое от собственных воинов, и при этом остаться главой похода. Важно лишь, чтобы у остальных предводителей не было больших личных отрядов. Но – нет!

В том-то и дело, что Игорь не мог ни обмануть, ни обещать, теоретическим союзникам, честно грабить всех подряд. Ему в этом походе кровно необходимо было войско, чьей бы добычей или ее отсутствием распорядился он сам.

Единолично!

Однако и вариант: поставить все имеющиеся серебро в первую же игру за власть, собрав отряды за звонкую монету, он тоже сразу отшел. А вдруг чего не так, но он все же выживет и даже сохранит часть хирда и те его не бросят... После такого разгрома самому ничего еще долго не возглавить. Что, ходить мелкой бандой на чужую войну придется уже ему? Или еще лучше – темной ночью на дорогу?!

Да и наемникам, за дополнительные гелды, конечно, можно было поставить условие на счет добычи. Однако попробуй их заставить его в случае чего выполнить...

В общем, куда не кинь – везде клин! Но тут у него случилось не иначе как прозрение. По крайней мере, когда Игорь изложил идею ярлу Эрвину, тот удивленно покачал головой и еще минут пять хвалил с немного недоуменной улыбкой на лице.

* * *

К концу многолетней войны за Эйдинард все мужчины в германских, кельтских, прото-славянских и прочих племенах, ставшие народом фризов, были хорошими воинами. В нужный момент пришельцы выставляли многочисленные обученные армии. В отличие от тогдашних хозяев этих земель, так и не сумевших переступить через взаимную ненависть и объединиться.

Желтокожие враги-янгоны исчезли, как серьезная сила. Их остатки оказались большей частью раздроблены до зависимых или полузависимых маленьких поселений в самых безжизненных или недоступных уголках побережья. Но и победители две тысячи лет спустя, не сохранили прежнего умения и силы.

Нет, самих фризов стало заметно больше, но теперь в лучшем случае от половины до, может быть, трети мужчин по-прежнему были готовы выйти в поле с оружием в руках. И самое главное – немногие при этом что-то умели.

Хотя какое-нибудь старенькое прадедовское копьё и гниловатый щит, все еще хранились во многих семьях.

Да, сегодняшние племенные ополчения по-прежнему могут создать надежную стену щитов, пусть и на заранее намеченных рубежах. Но вот организовать грамотную атаку, упереться и снова перейти к обороне... и все это прямо в бою, чтобы потом снова: в «штурмовой клин», и назад – к обороне.

Сейчас такое мастерство доступно чаще всего немногочисленным умелым бойцам, предпочитающим ходить под флагами вождей племен или стягами морских ярлов. Еще, конечно, профессионалы бывают в дружинах других – более мелких владетелей, а также нанимаются телохранителями к благородным землевладельцам или просто богатым купцам.

Высшего, среднего или хотя бы начального военного образование – нет. И где учат мальчиков владеть оружием? Правильно – дома. А если там не то, что некому, а и самого оружия считай, что и нет?

В набег на дальних соседей, хочешь или нет, возьмут тебя вряд ли. Разве что бесправным слугой в виде исключения и для личного одолжения... А там уже повезет-не повезет.

И из всей это детско-юношеской трагедии есть единственное исключение. Как ни парадоксально, на него могут рассчитывать сыновья рабынь и служанок ярла, от воинов его же хирда. Ну, или от каких-нибудь заезжих гостей, которые чаще всего тоже бывают не последними воинами.

При дворе не голодают, поэтому если задатки сработали, мальчик имеет шансы вырасти крепким парнем, а потом – из бесправного байстрюка выучится и пополнить элиту здешнего общества. Эдакий ограниченный «социальный лифт» для самых бесправных.

И тут Игорь подумал: стоп, вокруг полно желающих, но не имеющих шанса! Почему бы не выбрать из них ребят покрепче и не поднатаскать за ближайшие три-четыре месяца (из оставшихся пяти-шести до «главных событий» у токсандров)?!

Вы, конечно, возразите: как, мол, так, невозможно сделать опытного дружинника из пацана за такой короткий срок! И будете правы. Частично. Потому что «дружинника-хирдмана», прекрасного индивидуального бойца – нет. Но солдата, способного худо-бедно (а при определенных условиях и совершенно на равных), противостоять ополчению любого племени, которое чаще всего в строю только стоять и умеет, – еще как!

В этой еретической мысли экс-журналиста укрепила расхожая фраза бывшего французского императора о том, что два мамлюка – побьют трех французов, но сто лягушатников уже могут не бояться того же числа врагов, а тысяча – будет гонять ссаными тряпками армию отличных индивидуальных бойцов²⁷. Просто из-за того, что чаще маршировали в ногу.

---

²⁷ «... Два мамлюка справлялись с тремя французами, так как имели лучшее вооружение, лучших лошадей и лучшие навыки [...] Но сотня французских кавалеристов не боялась сотни мамлюков; триста – брали верх над таким же числом мамлюков, а тысяча разбивала полторы: так сильно влияние тактики, порядка и эволюций ...» (сокращенная цитата французского императора Наполеона Бонапарта, из книги «Семнадцать замечаний на работу под названием «Рассуждение о военном искус-

Среди ивингов таких желающих, набрать удалось меньше шести десятков, но в этом высокогорном анклавном племени и народу-то жило немного. По сравнению с густонаселенной дельтой Рихаса.

Поэтому Игорь и собирался вместе с хирдом проторчать минимум месяц в окрестностях Линкебанка, как одного из крупнейших торговых городов огромной реки. Однако уже к середине четвертой недели стало понятно: план будет выполнен досрочно. Необходимости посещать другие города – нет.

Приятнее всего собирать добровольцев оказалось среди семей гостеприимных сельских бондов, а также слуг и поденщиков богатых землевладельцев. Здесь это происходило уже описанным веселым и увлекательным способом. Да и сами юноши, нельзя не признать, были покрепче и редко обижены здоровьем. В отличие от самых бедных, но густонаселенных городских предместий Линкебанка.

Здесь рекрутеры встретили наибольший выбор и несравнимое число желающих. Их, конечно, приходилось тщательно проверять, но зато поток желающих не уменьшился до сих пор. На вчерашнем совете, например, все десятники согласились с логичным выводом: при необходимости набрать можно было и вдвое от задуманного.

Однако Игорь решил не распылять силы, и увеличил квоту с 300 только до 360 юношей, приказав отобрать лучших из лучших. Все же для тридцати дюжин кандидатов, непросто будет набрать наставников, среди всего лишь 138 хускарлов.

* * *

Окрестности Линкебанка, 29 октября по «земному» календарю

В последние пару дней, перед тем как наконец-то попробовать покинуть город, стоянка хирда превратилась в какое-то причудливое сочетание пионерского лагеря из советских 70-80-ых годов, и эдакого мультяшного уголка ГУЛАГа. Понятно, что это про чуть более отдаленное российское прошлое.

Здесьние юноши в 14-17 лет – это вполне сформировавшиеся мужчины, полностью готовые к взрослой жизни. Просто в силу возраста те из них, кому предоставили или навязали такую возможность, все еще способны на неожиданные поступки. Например, плюнуть на судьбу приживалы у старшего брата-наследника, и рвануть становиться воином...

Все 360 парней еще на стадии отбора прошли через внимательную комиссию из опытейших хирдманов, поэтому сразу четко знали к чему их будут готовить в первую очередь. Никто изначально и не рассчитывал, успеть в такой короткий срок сделать привычных дружинников-универсалов. Поэтому основная масса кандидатов должна была стать алебардщиками.

И это было главным – концептуальным новшеством. Настоящим прогрессорством, вместо унитарного патрона, командирской башенки, или даже просто рецепта пороха.

Само оружие, конечно же, было известно. Но вот превращать его в главное снаряжение группы бойцов – это пока никто не пробовал. По меньшей мере, среди фризов.

Во-первых, секира на длинном 2-2,5-метровом копейном древке, с крюком и копейным же острием – стояла на порядок дороже привычного и простого оружия. Ведь его, в отличие от алебарды, можно было клепать и из самого плохого железа.

Во-вторых, при отсутствии «инфернального» внешнего врага, как и в раздробленной Руси начала XII века, на побережье большинство конфликтов решались быстро и с помощью небольших собственных или наемных дружин. Батавам же, в их степях и лесостепях, чаще приходилось действовать с седла и применять лук, чем схватываться со своими традиционными противниками лоб в лоб.

Поэтому – одно дело велеть сковать некоторое число алебард, чтобы в трудный час рубить штурмующих стены собственного дома, а другое – раздать в десять раз более дорогую приспособу небогатым бондам. Пусть и временно, но с неизвестным результатом.

Когда десятники наконец-то узнали эту часть плана, сразу их одолело продолжительное молчание. Потом, пошушукавшись и, с подсказки Игорь, поэкспериментировав, согласились, что два-три ополченца с алебардой, точно будут опасны даже опытному воину. Особенно в строю.

Это была высокая оценка. Учитывая, что при стандартном раскладе, стараясь атаковать пусть и не лоб в лоб, но хирды профессионалов легко громили пятикратно превосходившее их ополчение.

Правда, большинство из их юных кандидатов, пока оружие видели не больше одного раза, да и то – в ознакомительных целях и в руках наставников. Единственное исключение сделали для пяти дюжин лучников, собранных в отдельный отряд. В основном – еще только будущих стрелков. Вот они – уже всю совмещали владение оружием с шагистикой.

Тех, кстати, кто уже был знаком со стрельбой из лука, принимали с минимальными придирками. Игорь заранее обозначил необходимость набрать минимум 60 юношей, способных в короткий срок начать попадать прицельными залпами по выбранной командиром толпе врагов. Хотя бы шагов за сто.

Не требуя героических свершений, хевдинг потребовал достичь минимального уровня умений, отличающих неорганизованную толпу лесных охотников, от пусть плохонького, но армейского отряда стрелков.

Остальные в это время лишь ходили, бегали, таскали с места на место тяжести, копали рвы и возводили валы. Основным условием было, во-первых, чтобы к концу дня непоседливые подопечные не были способны даже рукой пошевелить. Во-вторых, и самое главное, необходимость приучить их все делать не меньше чем отрядом в 12 человек.

Планы поесть или отправиться к выгребной яме означали одно: вся дюжина вставала, и – обязательно строем – маршировала в нужном направлении. При этом никто не давил на кандидатов классическими речами сержантов из американских фильмов, про то, что они «дерьмо» и прочими осколками масс культуры.

В этом не было необходимости, хотя бы потому что в глазах любого фриза вне зависимости от возраста, опытный хускарл был героем, а его даже самые странные приказы – автоматически имели смысл. Тем более что юношей сюда собрали не принудительным призывом, а предоставив шанс изменить судьбу.

Правда многие упражнения и экзерциции²⁸ их наставникам и самим были внове. Сменяя друг друга в течение дня, каждый из них заставлял своих подопечных выполнять многое из того, о чем узнал лишь на пару дней раньше.

Наблюдавший с интересом за этим сумасшедшим домом Анвар, легко узнавал родные советские потогонки, вроде «веселых стартов», почти узнаваемого футбола и упрощенный вариант баскетбола.

Это когда плотно стянутый кусок кожи вместо мяча, нужно было нести в руках, быстро перебрасывать товарищам, и в итоге загонять в плетеную корзину без дна, укрепленную на высоте в полтора роста. Однако здесь, по-прежнему, запрещались захваты и подножки.

Дней шесть назад, немолодой зодчий ворвался вечером в шатер к Игорю, и чему-то радостно улыбаясь, стал настойчиво тянуть с собой. Скучающий, посреди всего этого сумасшедшего дома попаданец, заинтересовался – и не прогадал.

---

²⁸ Экзерциции (лат. exercitio) – устаревший термин, означающий «упражнения»; здесь – воинские и спортивные упражнения.

На импровизированном футбольном поле команда, набранная среди наставников, вкатывал очередную «банку» в ворота сборной хирда. И все это, под сумасшедшие индейские вопли разновозрастной толпы, в которую смешалась его дружина.

Конечно же, победителям «пришлось» выдать переходящий кубок-приз и по индивидуальному чемпионскому браслету. В дальнейшем, команде наставников пришлось хотя бы раз в месяц защищать право на все это великолепие от очередных обнаглевших претендентов.

В остальном – коллективные подтягивания, приседания и отжимания, перетягивание каната и скоростные карабканья на вкопанные и тщательно ошкуренные столбы – все это, как минимум в виде концепции, было фризам знакомо. А вот все вместе – заметно изменяло отношения внутри спешно и довольно неожиданно родившегося хирда.

Подхватившие футбольную заразу хускарлы перед заходом светила – по холодку, – с удовольствием устраивали дружеские матчи. И соперничество на поле, почти всегда перерождалось в дружбу за его пределами.

Незадолго до отъезда из Линкебанка, Игорь сделал еще одно, может и предсказуемое, но «открытие».

Смыв пот, после очередной вечерней тренировки, он решил изобразить скучающего ревизора и прогуляться до ужина. Тут-то и обнаружилось, что вокруг их «полевых» тренировок давно пасется толпа зрителей.

Недолгие расспросы показали, что если поначалу среди ближайших к лагерю кустов шуршали лишь получившие отворот-поворот юноши и любопытные подростки, то постепенно к их традиционным вечерним играм, стали собираться менее стеснительный зрители возрастом постарше.

За сутки до начала погрузки, например, собралась толпа минимум в шесть-семь сотен болельщиков. Поэтому он уже спокойно воспринял приключившуюся с ним порцию самых настоящих оваций, когда на следующий день, возглавлял следующую в порт колонну.

Это помогло по-настоящему осознать, насколько хирд, да и он сам, стали популярны среди неизбалованных регулярными зрелищами горожан.

* * *

Но накануне произошли и более важные события. Игорь наконец-то принял от здешней гильдии оружейников последние партии заказанной брони и снаряжения, а казначей Карл – больше часа отсчитывал и любовно взвешивал серебро.

Учитывая размеры сделки, во время этого трогательного момента присутствовал специально приглашенный в качестве свидетеля чиновник из магистрата. Крупный и громогласный мужик благообразной внешности оказался самим бургомистром, и Игорь с удовольствием пригласил его остаться вместе с самыми уважаемыми мастерами гильдии, на пир в честь официального принятия юных кандидатов в младшую дружину и выдачи им оружия.

В итоге никаких «таких» разговоров они между собой не вели, но во время застолья глава городской исполнительной власти этого купеческого анклава, с интересом ко всему присматривался и, очень охотно и благожелательно улыбался...

Груз, кстати, получился действительно объемным, но и дорогим*. Помимо новеньких алебард, уже насаженных на выдержанные ясеневые древки в 2-2,5 метра длиной, было немало и других ценных игрушек.

* Общие расходы на снаряжение младшей дружины:

8 640 гельдов – 60 кольчуг с длинным рукавом мечникам первого ряда

7 920 гельдов – 330 шлемов, по типу «шапель»²⁹, для большинства рядовых

---

²⁹ Шапель (капеллина) – общее название наиболее простого и дешевого вида шлемов, в виде металлических колпаков с полями. Слегка опущенные книзу поля могли защитить не только саму голову, но отчасти и плечи. Были удобны, прежде всего, тем, что хорошо защищали пешего воина от ударов кавалерийского клинкового оружия и навесной стрельбы из лука. Кроме того, оказались хорошо приспособлены для защиты воина во время штурма укреплений от падающих камней, поленьев

7 200 гельдов – 240 алебард, из которых 60 – пойдут в запас, на случай порчи или утраты
5 400 гельдов – 300 защитных рубах из кожи и льна остальным воинам младшей дружины
5 200 гельдов – около 16 000 боевых стрел, от массовых до некоторого числа специальных
4 320 гельдов – 60 луков, самых недорогих, среди сложносоставного оружия этого типа
4 320 гельдов – 120 фальшионов³⁰, для мечников, командиров дюжин и их помощников
2 700 гельдов – 300 боевых перчаток бойцам ближнего боя
2 160 гельдов – 180 традиционных круглых щитов, для вооруженных мечами и стрелков
из лука

1 440 гельдов – 30 шлемов, внешне похожих на приземистые турецкие «ерихонки»³¹,
командирам дюжин в младшей дружине

= 49 300 гельдов (83,8 кг отчеканенных монет или более 342 марок серебра)

(из записей Анвара Гарипова)

Несмотря на все скидки, выданные за необычно объемный и разнообразный заказ, Игорь впустил в это заметно больше, чем эквивалент стоимости всей своей добычи из предыдущего похода. За исключением разве что клинка, снятого с тела стража в храме каменных выдр, да украшений и прочих ценностей, подаренных на радостях ярлу, его ближайшим соратникам и женской части попаданцев.

В средневековом мире было не принято делать такие массовые покупки. Воины, даже из крупных хирдов, привыкли сами подбирали себе оружие и броню. Поэтому впечатленные гильдейцы сильно упирались при попытке снизить цену, но охотно дарили какие-то дополнительные товары или услуги, очевидно пытаясь обеспечить работой и доходом каждого из своих.

Навязываемые услуги Игорь старался не принимать, но на нужные товары охотно давал себя уговорить. В итоге, удалось сэкономить на 360-ти широких кожаных поясах, усиленных бронзовыми пластинами, и таком же числе не дорогих, но качественных боевых кинжалов. Они достались именно в качестве скидки.

Уже к концу переговоров, когда он осознал сумму, в которую должен был обойтись заказ, Игорь заявил, что «временно» прекращает переговоры. Не желая признаваться в страхе растратить все, что у него есть, хевдинг наобум рявкнул о планах посетить Бувайю и изучить тамошнее предложение. Удачный экспромт принес заметные подвижки по некоторым позициям, а также еще 60 щитов в подарок, и предложение оплатить покупку четырехсот пар обуви, о которой на тот момент и не думал.

В здешнем жарком, а временами еще и влажном климате, крепкая обувь, похожая на древнеримские солдатские полусапоги «калиги», была очень популярна среди воинов и путешественников. Толстая кожаная подошва сандалий снабжалась шипами, и давала надежное сцепление с грунтом. Чулки из того же материала и ремни, покрывали голени почти до половины, и неплохо защищали ноги от случайностей.

Оценив вместе с Карлом и старшими десятниками отступление в цене минимум на 3,5-4 тысячи монет, он решил все же согласиться. Во-первых, тогда еще только начали набирать добровольцев, как пойдет дело – не знали, а потому опасались терять отдельное время еще и на эту поездку, а потом и ожидание заказа.

или песка.

³⁰ Фальшион – недорогой и популярный европейский меч, с расширяющимся к концу коротким клинком с односторонней заточкой, по форме больше напоминал огромный кухонный нож. Получил распространение не ранее первой половины XIII века, и очень ценился благодаря способности наносить разваливающие рубяще-режущие удары. Различают несколько типов клинка, но главный герой выбрал оружие, не исключающее успешного колющего выпада.

³¹ Ерихонка – куполообразные шлемы, с элементами защиты ушей, затылка и лба, известны еще до нашей эры, но скользящий наносник появился лишь в XIV веке. Этот тип защиты сложился в XV—XVI веке в Турции, и был чуть позже перенят на Руси и в Западной Европе. В сцене покушения на Ингвара Чужеземца в Линкебанке, и у него, и у его телохранителей именно такие шлемы приторочены к седлу.

Во-вторых, серебро, накопленное после распродажи всего «лишнего» из его доли сокровищ Долины Некрополей и недавно награбленного у горцев, вполне позволяло согласиться. «Дома», помимо самых ценных украшений и посуды, оставалась лишь небольшая записка монетой. Но по заверениям казначея, после окончательной распродажи выделенного имущества, в походной казне все-таки останется серебра минимум на 4-5 тысяч гельдов.

«Вряд ли больше», – как бы извиняясь, тогда уточнил Карл, и это почему-то полностью убедило экс-журналиста.

* * *

И вот теперь юные воины смогут выглядеть, как настоящие бойцы. Пока только «выглядеть», но поводы для оптимизма были. И не только у Игоря.

Надо признать, что мотивированные и крепкие юноши оказались отличным человеческим материалом. Было много разнообразных, и иногда совершенно идиотских травм, но хевдинг стабильно платил за лечение в ближайшей из храмовых пирамид, поэтому потерь и инвалидов удалось избежать.

Хотя розог изломали о спины бесчисленно, никто из юных энтузиастов не принудил наставников требовать изгнания с позором. Землянин был почти уверен, что самые вопиющие случаи спустили на тормозах и скрыли от него, но не настаивал. Если сквозь сито отбора и прошли какие-нибудь «неподходящие» дурни, то вбить в них нужные мысли в ближайшие несколько месяцев время еще будет.

В конце концов, обучение по-настоящему еще лишь начинается, поэтому Игорь довольно цинично решил: пусть последние шероховатости с продукта этого эксперимента, снимет война.

В этот вечер измучившиеся в нетерпении парни, впервые вместо учебной палки получили настоящее боевое оружие.

Утяжеленный кожаный мешочек с глиной, на конце палки (совершенно идентичной настоящему древку), конечно же, позволял отработать пару необходимых простых приемов, и привыкнуть к будущей тяжести алебарды. Но гордой улыбки на лице – не вызывал, позвоночник – не укреплял, и грудь, еле сдерживаемой гордостью, – не распирал. Так что всего после пары тренировок уже с боевым оружием, следующим утром по улицам Линкебанка младшая дружина шагала с неизъяснимым наслаждением, цепко и под нужным углом удерживая свои алебарды и шеренги.

О, какой завистью горели в этот момент мелькающие в толпе знакомые лица братьев, друзей, давних приятелей по детским играм и «вечных» врагов с соседних улиц. Прикажи Ингвар Чужеземец сейчас этим юношам броситься на огромную армию или в огонь, и за все нынешнее счастье, многие бы сделали это, ни секунды не раздумывая. Уж сейчас-то точно!

Однако подходящих вражин рядом, слава Богу, не случилось. Потому наполненный приятными переживаниями марш уже к полудню завершился в порту.

Высланные еще засветло две дюжины хускарлов, освободили приличный кусок пристани в восточной части города. К этому моменту, туда успели перешвартоваться зафрахтованные накануне ладьи.

Их капитанов подрядили, кстати, не без помощи «на все руки мастера из магистрата» достопочтенного Фуса. Коня, на котором он увозил заработанные на расследовании 500 гельдов, чиновник тоже получил в подарок. Поэтому в отсутствие «розыскных» заданий, горел желанием совершать и любые другие «подвиги». К сожалению, к счастью ли, но в ближайшее время других дел не было. Поэтому прощались «высокие договаривающиеся стороны» чрезвычайной довольные друг другом.

После распродажи прихваченной с собой части рабов (из доставшихся Игорю в недавнем походе), его караван – вместо того, чтобы уменьшиться, – удвоился. Сейчас в нем числились более полутысячи человек, лишь вполовину меньше коней и несколько десяткой повозок**.

** Список участников похода, их животных и повозок:

1 – Игорь\Ингвар Чужеземец, морской ярл и глава похода (+2 аварских мерина и +5 верховых лошадей степной породы)

1 – Анвар\Эрфар Зодчий, советник

1 – Карл, казначей-интендант, на случай боя приписан к «дюжине» Эгира

3 – Гульдан, с двумя рабынями-горянками

6 – «связной офицер» ярла ивингов Эрвина Сильного, с тремя воинами и двумя слугами (+12 лошадей)

7 – Рудольф, глава телохранителей\старший десятник, с шестью воинами-телохранителями (+14 лошадей)

10 – Эгир, комендант каравана\старший десятник, с девятью воинами, совмещающими обязанности «военной полиции» и мастеров-наставников младшей дружины (+10 лошадей)

50 – временные наставники-воспитатели младшей дружины (+57 лошадей)

70 – ударный отряд хирда (+72 лошади)

360 – младшая дружина (60 лучников, 120 мечников-щитоносцев и 180 алебардщиков)

20 боевых колесниц (+46 лошадей)

12 грузовых четырехколесных повозок (+28 упряжных коней местных «тяжеловозов»)

= 510 человек при 246 животных и 32 повозках

(из записей Анвара Гарипова)

Кого-то из них достаточно было лишь разместить, указав место. Что-то – предстояло для начала погрузить, надежно закрепить, а потом – и укрыть. Во избежание! С живыми же, но неразумными пассажирами, необходимой возни предстояло намного больше.

Уговорив – погрузить, удобно и надежно – разместить, закрепив – проследить: все ли помнят, кто и за кем должен ухаживать. В последнюю очередь, как обычно всплыло, что корм – тоже желательно разделить именно по кораблям, везущим животных. А не туда, где он сейчас «уже так хорошо и надежно закреплен».

Утрамбовывать весь этот бардак пришлось больше полутора дней. Поэтому отчалить из Линкебанка конвоем удалось лишь к вечеру 30 октября по «земному» календарю. Если, конечно, Анвар ничего не напутал в своих расчетах...

* * *

На больших реках редко бывает тихо. Так чтобы совсем. На великих – вообще никогда. Шум ветра, скрип уключин, шепот воды за кормой, резкие крики птиц. Даже не будь всего этого, скрытая жизнь потока будет постоянно напоминать о том: где и что с тобой. Особенно если вокруг много людей.

То у них бурчит в животе, то в головах. Из-за этого – постоянно болтают, кашляют, чешутся... да мало ли – «беспокойные существа». Все его хускарлы уже хотя бы по разу сходили в морской набег на кого-нибудь из дальних соседей – в вик³², и прошли самую настоящую проверку на уживчивость. Это была одна из главных причин, отсутствия конфликтов внутри регулярных хирдов. «Скандалисты» именно так вымывались в небольшие полубандитские отряды.

Игоря скученность тоже почти не беспокоила.

В смысле, конечно же, он предпочел бы принимать серьезные решения в тишине, но это сейчас было не так уж и важно. Бывшему землянину надо было внести серьезное изменение

---

³² Сходить в вик (викинг) – по одной из версии, первоначально фраза «отправляться в викинг», могла означать «морское плавание со сменой гребцов». То есть «дальнюю морскую экспедицию», поскольку в допарусный период смена гребцов отличала дальний морской поход от ближнего плавания, где смены гребцов не предполагалось. Но постепенно существительное «викинг», приобрело значение – человек, который уплыл из дома, покинул родину, то есть морской воин, ушедший в поход за добычей. А схожий по звучанию глагол – отправится в морской поход с целью торговли или грабежа. Авторский вымысел предполагает, что у книжных фризов, все развивалось по схожему сценарию.

в разработанный не им план. Взять на себя моральную ответственность в отсутствие многоопытного помощника. И оттого он ощущал сильное «неудобство».

Да что там: изрядно нервничал.

Хотя на самом деле, еще в Линкебанке, осознал: решение должно быть принято – из-за изменившихся обстоятельств. Просто пока Игорь не уговорил себя признать это «вслух» и начать действовать.

– Пригласи ко мне посланника ярла Эрвина! – один из телохранителей кивнул, показав что все понял, и принялся пробираться к корме, чтобы прокричать приглашение на соседнее, идущее позади и слева, судно.

Это тоже была отсрочка, но такая, после которой уже невозможно будет замалчивать долгожданный приказ.

По земной классификации, идущие вместе 28 кораблей, считаются «средним тихоходным прибрежным конвоем специального типа». Если отбросить несоответствие размеров древних судов и современных громадин.

Что касается скорости, то по меркам средневекового Эйдинарда – они просто на крыльях летели. Для скоростей же мира, оставленного в прошлом: скорее, еле-еле тащились.

Действительно, полноводную внутреннюю дельту Рихаса, с ее неторопливыми водами и теряющимся в утреннем тумане противоположным берегом, они покинули уже к концу третьего дня. Постоянный западный ветер и, такое же попутное течение, помогли преодолеть расстояние почти в 200 км, практически не притрагиваясь к веслам. Опытные кормчие использовали их только для маневрирования.

Вечером приказывали грести к хорошо обжитым за тысячи лет судоходства, традиционным местам стоянок. После спокойного сна и завтрака – обратно. В этой части дельты, Рихас был судоходен почти на всем своем протяжении. При том так глубок и изучен, что любой продержавший хотя бы четыре-пять лет рулевое весло в этих краях, мог бы с закрытыми глазами указать немногочисленные места, не годящиеся для навигации. По крайней мере, в устье.

До низовий, суда двигались со скоростью в 5-8 узлов³³, лишь для того, чтобы разноскоростные суда не потеряли друг друга. Но на третий день стало окончательно понятно, что они действительно, преодолели самый легкий – прогулочный отрезок пути. К вечеру ветер по-прежнему сохранил «свое расположение», но направление течения и цель путешественников, совпадать перестали.

С момент, как конвой покинул торговый город, река вовсе не спешила на восток. Ее русло постоянно, как бы невольно и незаметно отклонялось к северу. Вот в тот вечер, Рихас окончательно и сказал «стоп!» Миллионы тонн воды однозначно устремились строго на север, в направлении моря. Точнее – сначала к столичной Бувайе, а потом уже дальше – на соединение с горячими и солеными водами.

Великая река здесь образовывала эстуарий³⁴ длиной всего в 130-140 км, но по-настоящему поражала воображение неопытных путешественников, своей широтой и величием.

Необходимость преодолевать встречный поток, заметно усложняла путешествие. Но это был самый трудный участок по пути поближе к угольям токсандров. Точнее – к землям лишь одного из семнадцати племен этого союза – треверов. Однако до столь долгожданной встречи было еще далеко.

* * *

Южный берег Рихаса. Около полуночи

---

³³ Узел – единица измерения скорости судна, по международному определению, равна 1,852 км/ч (1 морская миля в час) или 0,514 м/с.

³⁴ Эстуарий (от лат. *aestuarium* – затопляемое устье реки) – одноукавное воронкообразное устье реки, расширяющееся в сторону моря.

Начало Восточного Рихаса – это сильный встречный поток, где, даже не выпуская весла из рук и при попутном ветре, редко удается «разогнаться» быстрее 4-5 узлов. Молодежь из младшей дружины пробовали усаживать на весла по двое, но это не особо ускоряло караван. К концу дня даже опытные гребцы падали и засыпали без чувств, еле-еле заставляя себя поесть.

Игорь несколько раз тоже пытался помогать, но в первый же день уже после полудня однозначно убедился, что до этого тренировал совсем не те группы мышц.

Действительно, не смотря на изрядно укрепившееся за последний год тело, выдержать несколько часов наравне с опытными хирдманами удалось, только запустив одну из семи «бата-реек» на своем браслете. Сливать запас сил способный, например, зарастить разрубленное сердце на «выпендрей» – все-таки было не самой лучшей идеей.

Хорошо хоть получив такой опыт, в остальные дни Игорь подменял гребцов регулярно, но ненадолго и в качестве тренировки. Этот же вариант приказав применять наставникам и к своим подопечным. Многие самолюбивые упрямы изрядно надорвались, пока их не начали усаживать и поднимать организованно.

Сейчас муторный и утомительный день был позади, и его люди заснули. Кроме, естественно, часовых. Но в нем самом «дармовая» сила все еще бурлила, переполняя и тревожа тело, от этого Игорю не хотелось в кровать – от слова «совсем».

Анвар над собой экспериментов не допустил, а потому отлично покемарил еще днем. Не удивительно, что сейчас он предпочел составить Игорю компанию у костра, чем вертеться в попытках снова заснуть.

– О чем вы сегодня секретничали с представителем друга нашего ярла Эрвина и куда он так стремительно отплыл?

– Если я стану рассказывать, то какой же это тогда секрет?! – вполне логично возразил хевдинг.

Даже видя, что его пожилой товарищ не желает вестись на провокацию, он все же попробовал пока отмолчаться. А вдруг? Большей частью, чтобы заполнить паузу благопристойной причиной для молчания, он и кивнул Гульдан на свою опустевшую чашу. Скорее даже «расписную глиняную пиалу тонкой работы».

Молодую женщину уж точно никто не ожидал увидеть на гребцовской скамье, а потому с момента отплытия она отсыпалась и днем и ночью. «На год вперед», как пошутил про их схожий график Анвар.

Перестав поблескивать глазами из темноты, девушка плавно переместилась со своего места ближе к костру, и наполнила посуду. Фигурный бронзовый чайник, пристроенный на некотором расстоянии от огня, был «заряжен» вполне земным чаем, с небольшим добавлением меда.

Обновив поостывшую жидкость, в том числе и в посуде экс-архитектора, девушка также естественно и грациозно переместилась обратно, ненадолго приковав к процессу невольные взоры мужчин.

Вот странно же!

Длинная, до щиколоток, туника из тонкого неокрашенного шелка, была лишь слегка прихвачена ниже груди и, в общем-то, казалось мешковатой. Но на столь выдающихся женских формах во время движения она так увлекательно и неожиданно натягивалась, что заставляла замирать даже владельца всего этого богатства. Что уж говорить об Анваре, более шести недель «лишенном» женского общества.

Всегда внимательный к небидным «слабостям» друзей, Игорь не потерял этого свойства и здесь. Пусть число дорогих его сердцу людей и заметно сократилось по географическим, или, наверное, точнее – по квантово-физическим причинам. Экс-журналист не очень-то разбирался, кто именно в современной земной науке «отвечает» за параллельные миры.

– Слушайте, который раз, вам говорю: два «бойца» моего кухонно-прачечного отряда вполне симпатичные женщины. Им, наверное, не то, что 30-ти, по-моему, даже 25 лет нету. Берите к себе в шатер хоть одну, хоть обеих сразу! Как ни размышляю на эту тему, все равно не вижу ни единой причины держать целибат... Вы же в курсе, что сейчас никто из взятых в поход рабынь, даже очень захочет – не смогут родить?

– Говорил же тебе: слишком я «советский» человек! Даже когда водку в 90-ые вагонами продавал, проституткам платил просто за общение. Тоже не верили... – под негромкий смех более молодого товарища мужчина отвел взгляд и принялся чуть более увлеченно, чем «надо», пить медовый напиток.

Пойманный, так сказать «на горячем», Анвар явно смутился, но даже не попытался отрицать очевидное.

Традиция обсуждать даже самые личные вещи в присутствии посторонних образовалась недавно – в момент расставания с землянками. Конечно же, дело было в том, что иные знатоки русского, теперь находились не ближе минимум полутысячи километров. И это если по прямой.

– Подожди, а что ты имеешь в виду, на счет «не смогут родить»?

– Не знаете?! – удивился Игорь. – Чуть больше двух тысяч лет назад, янгонами здесь было заселено все побережье. Сейчас их осталось мало, но азиатских черт у фризов не сильно прибавилось. Задумывались: отчего так?

– Ну да, обычные европеиды. Как-то не вникал...

– Древние народы по-своему понимали слово «геноцид». В смысле они, если была возможность, могли уничтожить народ, но черепа особо не меряли. Поэтому как минимум молодых женщин чаще всего не резали. А нередко и детей моложе определенного возраста. Да и сейчас мелкие деревни, и их уцелевшее княжество в восточных горах, стабильно поставляют молодых рабынь на продажу. Зависимых янгонов вытеснили в не очень гостеприимные края, так что для их знати – это надежный и доступный источник дохода. А во владениях семьи Квай Туу³⁵ так, по-моему просто борются с перенаселением. От Нойхофа, кстати, их долина примерно в двух неделях пути.

– И?

– Рабынь, которых продают для «утех», обязательно перед этим приводят в ближайший храм, и там им то ли за три, то ли за пять монет, так сказать «затворяют лоно». Некоторым рабам-мужчинам тоже бывает... «затворяют», но намного реже.

– А назад, «такое» можно?

– Руки-ноги заново отращивают, так что ерунда! За те же «пять гельдов».

Они немного помолчали, но нет худа без добра. Застав собеседника сначала в забавном положении «сластолюбца», а потом – поразив откровениями о местной контрацепции, Игорь временно удовлетворил свою тягу к юмору и пикировке. Так что когда они снова заговорили, он не видел больше необходимости подразнивать приятеля.

– Мы не будем завтра переправляться на северный берег. Ну и соответственно ставить постоянный лагерь на приречных землях ивингов.

– Не поплывем?! – удивленно переспросил Анвар, просто чтобы получить больше времени на обдумывание.

– Пленника, этого убийцу, который на меня покушался, я отослал к ярлу Эрвину на следующий день после поимки. Он «посылку», наверное, уже получил, но ждатель, что решит со своим двоюродным братом и невесткой, считаю ошибкой. Скорее даже – опасной глупостью!

---

³⁵ Квай Туу (янгон.) – Медный молот, богатейший княжеский род народа янгон на востоке Эйдинарда, единственный из сохранивших свои владения после вторжения фризов. Это стало возможно благодаря подчеркнуто миролюбивой политике и мощной крепости, запирающей вход в их горную долину с богатыми запасами меди и олова.

Особенно рядом с его землями, союзниками и друзьями, – усмехнулся хевдинг. – В этом со мной согласен и посланник ярла.

– И куда ты его усрал?

– Почему «усрал»? Сам вызвался! Точнее – я с ним обсудил все идеи и, в общем-то, оказалось – смотрим на происходящее очень похоже. Именно он, кстати, посоветовал не задерживаться здесь.

– Так куда он «сам уехал»? Или нельзя обсуждать...

– Прямо самые подробности пока нельзя, но на счет «куда» – ответить могу. Тех, кто сейчас у треверов для меня шпионит, знает в лицо ярл и он сам. Так что кому отправляться, выбор был невелик... – немного помолчав, Игорь грустно вздохнул. – Ох, и мерзкий тип этот Валли-Эвальд!

– Его жена послала по твою душу убийц, поэтому тебе и не нравится! А так: может милейший парень.

– Я человек с высшим образованием, а потому – сложный. Мне этот гад неприятен по многим причинам.

– Так куда теперь? – уточнил Анвар.

– Если прямо завтра, то нам предстоит преодолеть еще километров двести и некоторое время подождать. Потом – поплывем дальше. Если ничего не помешает, караулить нужное нам развитие событий станем в одном отличном, но очень вредном для здоровья месте. Говорят, Виндфан³⁶ красив почти в любое время года...

– Блин, если место «вредное», так ли уж нам надо туда соваться?

– Без этого, ну ника-а-ак!

* * *

Виндфан. За час до восхода

– ...и тогда из осознавшего себя вечного Ничто возникло пространство. Место, чтобы вместить все знакомое нам сущее. Из пространства – ветер, из ветра – огонь...

– Да помню я, а потом уже ветер и огонь вместе создали Мидгард³⁷, эм... «принятый в себя пространством».

– Нет, болван ты эдакий! «Все», – выделил рассказчик голосом, – девять миров, что знали наши предки, и «остальные многие, о которых они не ведали!» А не только покинутый ими «срединный»!

Первый голос принадлежал явно человеку постарше. Чувствовалось, что размеренный «жреческий» тон ему привычен, но закончил он свою последнюю тираду, скорее все же со старческими интонациями.

Разговор в этот момент, больше напоминал ворчание дряхлого деда на небесталанного внука-обалдуя. Однако будь сейчас посветлее, удалось бы легко рассмотреть, что его собеседнику в лучшем случае лет на десять меньше.

Хотя нельзя было и не признать, что простоватое лицо, и особенно вечное – слегка удивленное выражение на нем – и, правда, сильно молодили 25-30-летнего мужчину. По крайней мере, в сравнении со лбом старшего, казалось навечно изрезанном вертикальными складками между бровей.

Владелец первого из голосов, назовем его «Хмурый», может и воспринимал жизненные невзгоды чуть более пристрастно, но и согласитесь: глупо было бы излучать оптимизм, сидя в

---

³⁶ Виндфан (фриз.) – Ветренный Клык, предгорья в истоках самого западного из двух главных притоков Восточного Рихаса. Место, где берущий начало в горах поток становится уже судоходным. Так называют плоскую вершину огромного холма, окруженного обрывистыми скальными выходами, и одновременно самую заметную из местных скал.

³⁷ Мидгард – срединный мир, населенный людьми – Земля. Из космогонии древних германцев следовало, что всего миров существует девять, и связаны они между собой Мировым деревом Иггдрасиль.

неволе?! Люди вообще склонны воспринимать лишение себя даже иллюзии свободы, как нечто плохое. По крайней мере, когда это происходит очень резко.

К примеру, всего лишь двумя днями ранее...

Виндфан был плоской вершиной огромного холма, возвышающегося на 70-80 шагов над окружающей местностью. В окрестностях вряд ли был хоть клочок десять на десять шагов, где можно было бы выращивать просо, ячмень или рожь. Именно они лучше всего росли настолько близко к снежным пикам Алайн Таг. Но не поэтому добропорядочные бонды давно не селились в этих местах.

Рыбалка, охота и несколько грядок под овощи – могли бы позволить небольшому роду уверенно смотреть в будущее, но все такие попытки прерывали очередные изгои или бунтовщики.

Обрывистые скальные выходы окружали вершину, и оставляли всего пять узких проходов к удобной под застройку площади. Их легко можно было укрепить даже обычным частоколом. Особенно тропы на север и восток, считавшиеся самыми неудобными для атаки. Поэтому каждый раз, как в населенных местах кому-нибудь становилось жарко, тут появлялись новые жители.

Очередные владельцы больше всего страшились «гостей» через три западных «калитки». Они выходили на пологий склон, ведущий к довольно глубокому ответвлению ближайшего притока Восточного Рихаса. Огибая холм с трех сторон, вода делала это место одновременно и очень надежным, и сильно уязвим убежищем.

Защитникам приходилось опасаться неожиданной высадки крупного десанта. С кораблей и прямо к воротам. Но если жильцы успевали возвести укрепления, то уже нападающие ломали голову, как доставить средства штурма, через воду.

Только южная сторона была полностью неприступна, а потому именно в этой части холма, очередные беглецы обычно и ставили свои жилища и хозпостройки. Ну и понятно – тюрьмы.

Правда, они редко утруждали себя возведением под это дело капитальных построек. В большинстве случаев новые хозяева просто очищали одну из выдолбленных ранее ям, перекладывали сверху несколько свежих елей в виде решетки, лишь слегка обрубив сучья и укрепив задумку лозой, и получали древнюю, как этот мир, но надежную клетку.

Да, в дожди постояльцев заливало, но так и бунтовщики сюда обычно приходили ненадолго. Родовые и соседские конфликты в ближайшие пять-шесть лет чаще всего разрешались либо успешно, либо в пользу тех – других. В общем, можно считать всегда с успехом. Однако ни один из пленников себя успокоить такими мыслями не мог.

«Хмурый» знал, что нынешний ярл сидит здесь всего второй год, а молодой был слишком простоват, чтобы такие глубокие расчеты могли даже просто зародиться в его голове. Хотя в наблюдательности ему был не отказать. Вот, например, сейчас, он задал своему более знающему собрату очень правильный вопрос:

– Скажи, а зачем хундингам слать здешним бандитам еду?

– Ты о вчерашнем корабле? – уточнил старший, не потому что сомневался, а размышляя, стоит ли обсуждать свои мысли с соседом-простаком.

– Ну да, мы полдня таскали корзины с зерном, все эти копченые туши и клетки с живой птицей, а они вчера дали на ужин лишь малость репы... Даже без мяса! – говоривший обживал здешнюю яму уже целую декаду, а потому потерял изрядно сил, и всерьез начал страдать от недостатка пищи.

– А сам-то, как думаешь? – принял решение «Хмурый», которого голод пока беспокоил мало, а скучно – уже было.

– Думаю, бояться они не могут. Как Старый Хунд помер, многие хускарлы, конечно, ушли, но семь-восемь дюжин здешних – им не опасны... Наверное, что-то хотят от них! – в конце концов изрек мыслитель.

– Уже хорошо! А что «хотеть»?

– Откуда мне-то знать?!

– Ладно. Кто здешний хозяин, по чьему слову нас в яму засунули?

– Так это все знают. Это ублюдок прежнего вождя из рода Белого Сокола. Мы сидим сейчас на южном берегу, а их наделы – на северном.

– И?

– Что «и»? Он родился от рабыни. Мальчиков других не было, и отец сначала решил, что раз все равно парень будет наследником, пусть зовется «Гуалхом». Это на их старом наречии означает «Сокол». А тут не пройди и пяти лет, понесла его главная жена, и на этот раз тоже сыном разродилась. Поэтому бастарда стали готовить к судьбе хевдинга, а законного – учить править...

– Так!

– Ну и бастард все при дружине терся, потом – начал в походы ходить куда подальше. Отец ему помог свой корабль добыть, да экипаж собрать. А там он как-то прославился, и воины поклялись ему в верности и признали морским конунгом. Пока был жив отец, братья вроде ладили, но сейчас – стараются не встречаться.

– И что-о... – ожидающе замер «Хмурый».

– Что?!

– Ой, болва-а-ан! Что может быть между братьями? Хорошо: кто первый враг хундингам?

– Так и это все знают: Род белого Сокола и есть! И воинов у них больше, чем у других, и говорят знатность – еще с древних времен. А между братьями – так думаю злоба. Бастарду отец обещал, да обманул. Обидно. А нынешний вождь, наверное, его опасается. Собрать родню, которая держит сторону законного сына, и напасть на брата-ублюдка он не может. Тот же против него мечом не машет, помалкивает. А то, что остальных бывает, грабит – так разве это причина? – искренне удивился собеседник. – Ну рассказывай!

– Что еще тебе рассказывать? – рассердился «Хмурый». – Один брат на одном берегу, другой – на другом. Не будь между ними скрытой вражды, завтра тот, что законный, мог бы уже родню и другие кельтские роды собирать, и пойти отбирать у хундингов власть. Но вчера нынешний ярл прислал брату-разбойнику пищу, и тяжелый сундук, что четверо воинов тащили с корабля. Так что напасть Гуалх-хевдинг может и не нападет, но пока он сидит здесь, кельты с того берега воевать за Нойхоф или другие земли – не станут. Уж клан Белого Сокола – точно! Иные роды тоже германцев не любят, но там мало у кого духу хватит...

Только минут через десять мучительных раздумий, «Простак» вдруг заметил: небо наполнилось светом и в яме им уже стали видны лица друг друга.

«О! Скоро снова дадут поесть», – с облегчением подумал он.

* * *

Место, где два берега Восточного Рихаса сходились всего до 400 шагов, называлось «Глоткой». Скорость величественной и неторопливой реки здесь возрастала так, что вверх по течению на веслах было не подняться. Поэтому в земли токсандров или к долине семьи Квай Туу, корабли предпочитали проводить длинными канатами.

Если шло несколько судов, то экипажи сговаривались, брали за плату длинные толстые веревки из конопля у местных, и поочередно тянули свои кнорры, снелккары, драккары, карви и любые другие из кораблей. Но если была такая нужда, здесь было и множество желающих заработать. Доставай немного серебра, и можешь даже не покидать палубы.

Их многочисленный караван, конечно же, обошелся своими силами. Даже канатов было запасено вволю. Поэтому отдохнув всего ночь, а преодоление речной узости они потратили

чуть более суток. Еще три дня неторопливой гребли каравану понадобилось, чтобы увидеть каменные стены Персы³⁸.

В тот же день, едва успев разгрузиться, все тридцать дюжин младшей дружины принялись натирать мозоли лопатами, кирками и прочими орудиями труда. Не избежал этой участи и остальной хирд, да и сам предводитель: народ дружно приступил к возведению пусть временного, но полноценного воинского лагеря.

Конечно же, нападения никто не ждал. Просто Игорь, перечитавший в детстве все доступные исторические книги, был твердо уверен в необходимости такого шага. Ему всегда особенно нравились тема античности и средневековья, а в описаниях тогдашних войн, постоянно подчеркивалось, как легко громили не «окопавшегося» врага. Ну и, естественно, какие молодцы те, кто не ленился.

Уже к вечеру следующего дня полутораметровый вал и ров, глубиной в 80-90 сантиметров, охватили кусок берега достаточный для комфортного размещения их небольшой армии.

Двухметровые колья для палисада везли на кораблях, разобрав стоянку в окрестностях Линкебанка. Там, кстати, прошли основные тренировки по этой теме, и сейчас все происходило без излишней суеты и в хорошем темпе.

Игорь был уверен, что только явная популярность среди жителей города помешала магистрату оштрафовать его за эти «издевательства» над придорожной территорией. А вовсе не чувство вины из-за участия городского стражника в покушении. Несмотря на опыт скорее положительный, чем негативный, в глубине души бывший землянин все равно был уверен: чиновники – суть крапивное семя, и чувства не влияют на их решения.

Единственный, кто избежал основной части стройнагрузки, был Эгир. Одного из двух старших десятников хевдинг отправил договориться на счет компенсации хозяину этой земли. Все-таки одно дело ночная стоянка, другое – поселиться минимум на несколько недель, да еще и изрядно перекопать выход к воде.

Вернулся переговорщик, когда палатки переносили внутрь укрепленной территории, и заверил в успешности поездки. Поскольку происходило все уже вечером, Эгир удачно влился в очередное, но не слишком обычное заседание совета.

Оставленная свободной площадь в центре лагеря, сейчас была заполнена группами опытных и начинающих воинов, перемешавшихся пусть и не до панибратства, но довольно неформально. Да, предводителям предстояло, озвучить ближайшие планы в узком кругу, но необходимо было и совместно поесть, выпить, напомнив как командирам подразделений, так и каждому новобранцу, что они единый отряд.

Постепенно дюжины «новоселов» заполнили «банкетный зал». Каждая группа получила по дополнительному ведерному кувшину вина и пива. В это время откормленные овечьи туши, промаринованные в винном уксусе и острых ароматных специях, начали доходить на многочисленных вертелах.

Предупрежденный, что сейчас уже почти можно будет начать разносить сочное мясо, Игорь принял от Гульдана кубок, легко вскочил на сооруженное специально под этот момент возвышение, и его голос, разнесся до самых отделенных уголков их временно дома.

– Воины! Да, сейчас я обращаюсь как к тем, кто давно и по праву носит это звание, так и к только ступившим на этот путь. С завтрашнего полудня (да, ранней побудки не будет), вы снова начнете уставать так, что не всегда сможете приносить свои задницы в койку! Конечно же, тяжелее будет тем, кому еще только предстоит всему научиться. Но сегодня не спешите: пейте, ешьте, отдыхайте! Только перед этим оглянитесь вокруг, посмотрите в лица сидящих

---

³⁸ Перса (фриз. [per se] – сам по себе) – город на скальном острове в одном из восточных притоков Рихаса; первоначальное поселение создали фризы-изгнанники на месте сожженной янгонской крепости. Один из семи «свободных городов» фризов, где власть имеют только решения местного совета.

рядом! Каждый из них ваша семья! Ваш брат, отец или сын! Когда-то, вам придется, возможно, закрыть одного из них своей грудью от Смерти, а может ему – вас! Всмотритесь в эти лица, и запомните как надо будет поступить... Если, конечно, раньше, я не выгоню вас с позором к своим мамочкам! Ско-о-ол!³⁹

* * *

Воина с алебардой в первую очередь учат копейным приемам: штыковая стойка, передвижение приставным шагом и укол. Только со временем новобранцу показывают, как с размаху пробить топором защиту, или зацепить крюком всадника. Ну, или другого пехотинца.

В плотном же боевом построении, число доступных ударов и приемов с таким оружием можно было и вовсе пересчитать по пальцам. Пару вариантов укола копейным наверху, простой рубящий – топором, ну и шанс зацепить щит или плечо врага крюком.

Одиночную работу из-за щитов первого ряда, младшая дружина освоила довольно быстро. Хотя это, конечно же, не значило, что новобранцы теперь могли наносить неотразимые удары, а будущим врагам стоило бы заранее «самоубитца».

Просто к концу третьей недели все они однозначно запомнили, что «заваливаться» вперед после взмаха 2-2,5-метровым оружием – ошибка, и за это наставник может больно врезать палкой по ноге или спине. Ну и, понятно, старались такого «поощрения» избегать.

А вот совместная атака двух и более алебардчиков против одного нападающего – тут все по-прежнему оставалось полем не паханным. Как и результаты редких тренировок, по работе этим оружием в рассыпном строю или индивидуально.

Понятно, что и условные «манипулы» – отряды в пять полных дюжин, – держали строй из рук вон плохо. Стоило молодым парням чуть увлечься, как монолитный строй начинал расплзаться и терять форму строгого прямоугольника, а щиты первого ряда разрывались, открывая алебардчиков, да и самих мечников, атакам врага. Пока только будущего, но удары наставников, временно подменяющие его, были, может и не смертельными, но точно болезненными и обидными. Как собственно и их реплики.

Хирдманы все-таки не были профессиональными педагогами, а потому, взявшись возиться с «неумехами», не могли отказать себе в едких комментариях.

И это пока новобранцев учили лишь оборонительному бою.

Атакующий вариант терции⁴⁰ предусматривал намного более свободное построение. В этом случае второй ряд мог использовать алебарды, как и обычные секиры, – для ударов понизу и подрубания ног врага. В этом было основное предложение адаптированной ветеранами тактики.

Первый ряд меченосцев со щитами, лишь удерживал противника, перекрывая ему обзор, второй – из алебардчиков, – наносил неожиданные удары в щиколотки и бедра, если они вдруг становились видны из-за вражеских щитов. Третий ряд, тоже из воинов с алебардами, должен был в этот момент действовать колющими движениями над щитом, создавая угрозу ранения противника в лицо и шею.

Три других ряда «манипулы» планировалось использовать для подмены убитых, раненых или лишь измотанных бойцов, что должно было надолго сохранять силу и ярость штурмового натиска.

В будущем планировалось ввести в дюжины еще и пикинеров. Или, как минимум, обучать действовать длинными пиками часть алебардчиков. Но пока, благодаря отсутствию у

---

³⁹ Скол! – За наше здоровье! – древний скандинавский тост; во время праздника самый старший мужчина вставал во главе стола, и перед тем как выпить громко произносил Skol, обращаясь к гостям. Гости дружно отвечали, и начиналось застолье.

⁴⁰ Терция (исп. tercío) – тактическая единица Испанской Империи в XVI-XVII веках, включавшая в себя пикинеров, мечников и стрелков. Испанские терции стали первыми в Европе, где личный состав был представлен хорошо тренированными добровольцами-профессионалами с отличной строевой дисциплиной, вместо наемников, которые составляли большинство европейских армий того времени. Иногда терцию называли испанское каре.

потенциального врага большого числа отрядов бронированной кавалерии, да и времени на подготовку солдат у самого Игоря, решили максимально упростить требования.

Но это речь о сильно отдаленном будущем. Пока же дело не дошло даже до обучения атакующему варианту формации. Произойти это могло не раньше, чем через месяц-полтора. Сейчас же младшей дружине была прописана беспросветная однообразная муштра с раннего рассвета и до поздней ночи.

Сам Игорь все эти дни жил в привычном для себя ритме. Да, он регулярно проверял ход занятий, но основное время был все же предоставлен самому себе. Поэтому среди индивидуальных тренировок с телохранителями, некоего сибаритства и иных чувственных удовольствий, успел несколько раз побывать в «парящей над здешними водами Персе».

Все крупные города были торговыми и ремесленными центрами. Поэтому мало что видевший за прошедший год землянин, получал удовольствие даже от возможности просто бродить по незнакомым лавкам, общаться со степенными купцами или их работниками, спрашивать ремесленников о несекретных особенностях их труда.

В такие моменты он чувствовал себя почти прежним журналистом, которые собрался в очередной раз удовлетворить собственное любопытство за казенный счет, а потом – «рассказать» об этом энному числу читателей. В этом умиротворении можно было ненадолго скрыться от всей этой ответственности последнего времени.

От размышлений о вполне очевидном риске, от сомнений в необходимости поставить на кон жизни далеко не случайных и почти уже не чужих ему людей. Не ополчения, собранного со всего побережья, а теми, кто с полным на то основанием считал себя «людьми Ингвара Чужеземца».

Относясь снисходительно ко многим условностям, что такое почти безусловное доверие экс-журналист знал прекрасно. И искренне ценил.

Из-за этого он даже мог себе признаться, что действительно испугался, обнаружив при выходе из очередной лавки довольное лицо посланника ярла Эрвина Сильного.

Нет, Игорь вовсе не заподозрил предательства, или еще какой неприятности. Как раз наоборот. Он мгновенно и совершенно ясно осознал, что раз воин рванул его искать, а не остался после возвращения дожидаться в лагере, значит – все сложилось удачно.

Скорее всего, разработанный план все-таки переходит в более активную фазу, и ему предстоит «сделать ставку», а хирду – принять свой первый настоящий бой.

«Война за Нойхоф началась! – слегка даже обреченно подумал хевдинг. – Никто не будет слать вызов или еще как расчехлять знамена и намерения. Никаких формально враждебных треверам или хундингам действий. Формально – скорее, даже наоборот»...

Действительно, мечами своих воинов Игорь собирался им всем даже немного «помочь».

Глава 3. Карамболь

Виндфан, зима 2038-ая от Исхода, последняя ночная стража

(18 декабря 2018 года по «земному» календарю)

Продолжительные дожди в Эйдинарде случались не так чтобы часто, но к середине ноября «мокрый сезон» – точно прекращался. Тем большей неожиданностью стала уже почти недельная непогода, загнавшая в этот предрассветный час сторожей в их уютные кровати.

И нападающие собирались вовсю использовать этот шанс. Тем более что невозможно совсем беззвучно выпрыгнуть на раскисшую землю под грузом оружия и брони. Еще меньше шансов вытащить на берег и надежно закрепить длинные боевые суда.

Казалось, сам Донар⁴¹ сейчас был на стороне пришельцев. Раскатистые удары его молота Мьельнира надежно скрывали суету чужаков и разжигали в их сердцах предвосхищение неминуемой победы.

Первым закончили крепить три меньшие по размеру судна длиной от 16 до 18 метров. Команды двух других – гигантов в 22 и 25 метров, – освободились немногим позже. Но им пришлось сильно постараться, чтобы даже налегке догнать ушедших вперед с лестницами соратников.

Ни по одному разу грохнувшись и множество раз съехав по размокшему склону, тяжелооруженные хускарлы смогли присоединиться к остальным, когда те успели преодолеть невысокий частокол. А также – распахнуть все три калитки в трех западных проходах, и лишь здесь штурмовые группы настороженно замерли, прикрывшись густо «чернеными» ночными щитами.

Виндфан был расположен на холме, возвышающемся над ближайшей речушкой почти на 70-80 метров. Около 300 шагов по пологому мокрому склону с неудобными лестницами, показали достаточно неприятным испытанием. Только спустя почти полчаса хирд Ингвара Чужеземца, разбившись на множество еще более мелких отрядов, вступил в селение, досыпающее свои последние спокойные мгновения.

Игорь взял в этот бой все десять дюжин самых опытных хирдманов и, естественно, телохранителей. Сражаться предстояло с восемью-девятью десятками бойцов попроще. И самое главное: были все шансы застать многих из них пусть и с оружием, но без брони.

История полна эпизодов, где даже втрое меньшее число нападающих, громило сонных и не успевших снарядиться врагов. Здесь у атакующих было даже небольшое преимущество, но основная ставка делалась все же не на количество воинов. Удачное начало штурма стало возможно лишь потому, что их здесь ждали.

Только совсем не защитники.

Идущим в первых рядах, было строго-настроено заказано, нападать на первого встреченного «врага». И все равно, ловкий лазутчик, обеспечивший тихое преодоление стен, едва не получил вершок стали в живот, ожидая появления нанимателей. Слишком уж неожиданно они столкнулись под рушащимися с неба тоннами воды. Однако, слава богам, опознание все же произошло до трагедии.

Сам Игорь возглавил сильнейший отряд в три дюжины воинов, в задачу которого входило пленить здешнего морского ярла. Как план-максимум. Отбить его у ближайших соратников могло и не получиться, поэтому экс-журналист не сильно на это рассчитывал. В огромном, для здешнего курятника, двухэтажном доме квадратов на 550-600, могло произойти всякое.

---

⁴¹ Донар (по-скандинавски – Тор) – в германо-скандинавской мифологии один из асов, сын верховного бога Водана (Одина); бог грома и бури, защищающий богов и людей от великанов и чудовищ, и при этом – покровитель земледельца и мирного занятия хлебопашеством. Близок по своим функциям кельтскому Таранису и славянскому Перуну.

Еще трем дюжинам, во главе со своими десятниками, предстояло взять под контроль пять ворот и отлавливать тех, кто попытается сбежать. Они же отвечали и за оставленные корабли. Остальных бойцов поделили между собой Эгир и Дольф.

Именно им было поручено, имея полсотни «штыков», подавить сопротивление на всей остальной территории. И вот, убедившись, что все разобрались со своими целями, хирд двинулся в сторону «обжитой» – южной части холма.

Если кто-то станет убеждать, что очень весело брести в опасном полумраке, промокнув множество раз за последнюю неделю до нитки, а сейчас еще и несколько раз свалившись на скользкой траве, то плюньте такому вруну в его брехливую «внешность»! Да, может такое случится, что лишь невероятным усилием воли удастся преодолеть охватившую вас болтливость или дрожь, но то не от «веселья». Адреналин – то сё, короче – нервы.

И забавно, но как раз самые крепкие и опытные воины поймали в этот момент свою порцию неадекватности. Только те, кто мало ходил именно в морские походы, единственные брели почти равнодушно. Вымотавшись до такой степени на веслах, не до эмоциональных метаний. Учитывая, что Игорь свою участь выбирал сам, он, конечно, вымок и немного замерз, но силы-то сохранил, а потому тоже испытывал ненужный выброс всяческой природной химии в кровь.

Было ужасно тяжело именно медленно брести. Тело яростно требовало активных движений, крика, в конце концов – драки! Но так облажаться было нельзя, и приходилось перебарывать естественно-животные порывы.

Когда сквозь ряды хлипких хижин его отряд добрался до цели, на фоне всего увиденного главный дом и правда, выглядел сказочным замком. И это при том, что плоская крыша строения, возвышалась в лучшем случае метра на четыре.

Узкие окна были, кстати, только на втором этаже, и будь у Игоря выбор, начинающий морской ярл предпочел бы всю эту халабуду просто поджечь. Вокруг уже немного развиднелось, но лезть в темноту совсем не хотелось самому, и было ужасно жалко посылать туда воинов.

Кстати, скандинавы в своих сагах настолько часто описывали сожжение врага в доме вместе с дружиной, что это позволяет назвать такой метод «очень популярным» для своего времени.

Например, в «Саге о Харальде Прекрасноволосом» – в событиях, относящихся к началу X века, – описывается как минимум три такие истории.

Норвежский ярл Рёгнвальд, прозванный одновременно и «Могучим» и «Мудрым», сжег своего противника – некоего конунга Вемунда, – вместе с 90 хирдманами. Через много лет счастье северянину изменило, и уже его самого, в его же собственном доме, пустили по ветру, правда, «всего лишь» в компании 60 дружинников.

Но, трижды благословенный недельный дождь в этом случае, играл, скорее, на стороне обороняющихся. Подпалить всю эту промокшую махину из неохватных огромных стволов, будет сильно непросто, если вообще возможно. Да и самое главное: все вместе это значило еще и факт, что враги успеют снарядиться по всем правилам.

Вряд ли в ближники к Гуалх-бастард затесались какие-нибудь пугливые неумехи. А значит, припертые к стенке воины, обязательно смогут вырваться наружу и очень недешево продать свои жизни. Перед этим, кстати, еще и забросав нападающих стрелами.

Такого развития событий хотелось избежать, и он уверенно кивнул, в ответ на вопросительный взгляд одного из сопровождавших его десятников. В то же мгновение все сомкнули щиты от возможной стрельбы, а четыре лучших секирщика хирда принялись вгрызаться в двухстворчатую входную дверь. Сменяя друг друга, они спешили как можно быстрее надрубить кожаные петли, которые прежние хозяева так и не успели сменить на доброе железо, прикрыв их по словам лазутчика, лишь массивными наличниками.

...Резня среди хижин началась намного раньше, чем ударный отряд смог прорубить доступ в главный дом. На глазах у Игоря ветхую стену ближайшего жилища как будто бы взорвало изнутри. Оттуда выкатился высокий поджарый мужик лет 30-35, сумевший не вставая на ноги, уйти от двух попыток пришить его к земле. Но вся его удача на этом и завершилась.

Вслед за ним из пролома выбежал один из нападавших и, не снижая скорости, пробил ему пенальти в голову. Уже после этого «футболист» плавным и выверенным ударом вогнал ему копьё в печень, и терпеливо дождался, когда пальцы врага сами отпустят древко.

Аккуратно, и как-то даже уважительно, упершись левой ногой чуть ниже раны, он легко извлек оружие, и потрусил вслед своим товарищам. Действительно, разрозненные попытки даже самого яростного сопротивления никак не могли повлиять на ситуацию в целом.

Даже самые героические и не склонные сдаваться враги, оказывались лишь смазкой для мечей. Спаянные группы из шести хорошо вооруженных хирдманов, давили такие одиночные всплески – походя. В этом и есть главная трагедия правильно организованного насилия: изначально ошибочное решение или недомыслие политика или командира, могло лишить его воин даже предсмертного героизма.

Уже через полчаса все оставшиеся снаружи желающие, смогли воспользоваться своим правом на Вальхаллу. Кто успел схватиться за оружие, но по первому требованию согласился его сложить, сейчас были тщательно обысканы и «упакованы». Одного за другим их опускали в две найденные тут же ямы-тюрьмы. Тамошних постояльцев «до выяснения» заперли в местечке посуше – в ближайшей хижине с крепкими стенами. Как и не попавших под горячую руку женщин.

В итоге, в подземный свинарник набросали почти два десятка разных пацифистов. После быстрого подсчета трупов получилось, что внутри местной цитадели должны быть не меньше 20-25 воинов. Поэтому, когда створки все же рухнули, рассчитывать на встречу с немногочисленными спящими врагами было глупо.

Внутрь хускарлы двинулись неторопливо, стараясь не терять сцепление со щитами товарищей. Каждый понимал: вот именно сейчас, биться предстояло всерьез...

* * *

Тремя днями ранее

– Он же... он же убьет меня?! Дом – сожжет, жену и дочерей – отдаст на потеху своим воинам...

– Знаю! Ты предпочел бы, чтобы это сделал я?

Выждав некоторое время, с подчеркнuto хмурым и немного гневным выражением лица, Игорь по-доброму расхохотался. Охотно поддержанное двумя десятками опытных хирдманов веселье, почему-то совсем не успокоило бонда.

– Не переживай, с тобой ничего кроме хорошего – не случится!

Бросив опасливый взгляд на увешанных оружием мужчин, гость снова сконцентрировал внимание на хозяине и заговорил осипшим от ужаса голосом:

– Господин, но если Гуалх-бастард услышит это, он все-таки правда убьет меня! И боюсь, не сразу...

– Ну что ты заладил-то? «Убьет-убьет». Зачем тебе туда ехать?!

– Как... ты же сам потребовал... Господин?

– Я поручаю тебе всего лишь сообщить ему итог наших с тобой переговоров, а не приносить себя в жертву. У тебя есть кто-нибудь из слуг или рабов, кто не знает пока о нашем приезде, и кого тебе... не так жалко, как себя?

Последнее уточнение вызвало сдержанные ухмылки дружинников, а на приземистого бонда, оказало так вообще магический эффект. Почти как посещение храма – мужчине стало заметно легче.

– К-к-коне-ечно есть! – просипел гость, теперь уже в страхе ошибиться.

– Вина моему доброму другу и соседу! – своеобразно прокомментировал согласие хевдинг.

Растерянный, старающийся наконец-то осознать происходящее человек, как спасательный круг ухватил переданный ему кубок. Сделав несколько захлебывающихся глотков, он вдруг и правда, немного расслабился, и уже заметно спокойнее «оплыл» на своей гребной скамье. Переговорщики и свидетели сидели в шатре, раскинувшемся на всю середину самого большого 50-весельного корабля.

«О боги, значит, я умру не завтра!» – и Дитфрид-бонд⁴² впервые за сегодня по-настоящему расслабился, почувствовав почти утреннюю легкость бытия.

...Это утро для него началось, как обычно. Как и все другие дни за пять лет с момента, когда отец решил передать управление хозяйством.

Проснувшись в одиночестве, мужчина отхлебнул из традиционно заготовленного кубка с пивом и немного полежал, планируя дальнейшие дела. Жена сейчас с рабынями и служанками уже заканчивала дойку их небольшого стада коров и более многочисленных коз. Также привычно он вышел, как раз, чтобы глянуть вслед уходящим на пастбище животным. Лей дождь не лей, а есть скотине надо.

По дороге к крыльцу, он сегодня снова, почти как в юности, прихватил молоденькую помощницу старухи-кухарки. Гретта все еще вкусно варила, но силы были совсем не те, что раньше. Поэтому ей было никак без дополнительных молодых рук. Правда, купил он в конце осени в Персе девку, конечно же, не ради работы на поварне. Точнее – не только из-за нее.

Они приехали распродать излишки выращенного и отложить немного серебра, на случай не благоволения богов. Удачно расторговавшись, захотелось пройтись по рынку. Невысокая широкобедрая полонянка из недавнего похода Торговой тысячи, сильно не выделялась из толпы своих соплеменниц. Но это для других. Дитфрид в первое же мгновение «увидел» в ней свою жену. В молодости. Таковую же смущенную молодую девчонку, которую он впервые по-настоящему рассмотрел лишь на семейном ложе.

Нет, матью своих дочерей он все еще дорожил. Но как отказать себе в возможности помять ее юную копию? В свои пятьдесят с небольшим... Пусть – раз-два, реже – три в декаду, но ненадолго вернуться в ушедшую юность.

Новая прислуга совершенно так же упиралась плечом в один из поддерживающих кровлю столбов, также лукаво искоса поглядывала на пытящего позади хозяина, и те же капельки пота возникали на ее верхней губе... Тем более что Гретте и правда, была необходима помощница.

До самого полудня день шел по накатанной. Но тут прямо к обеду прибежал Тощий Пескарь – его рыбак, – и принес тревожную весть. К их лугу не только пристали боевые ладьи с воинами, но и двое хускарлов сейчас идут сюда.

«Двое – это не грабители», – подумал бонд, но на всякий случай он велел дать кусок мяса опередившему гостей слуге, а жене – готовить подарки.

Судя по тому, что Пескарь не узнал вымпелов, вряд ли это кто-то из благородных предводителей своего племени, тех, кому поднести дары – почетное право и обязанность. Однако же должен – не должен, а лучше к носителям мечей с уважением перестараться, чем твоя вдова потом станет голосить да искать управы на беззаконие.

Гостей встретили с уважением и без излишней суеты. Бросив на них лишь взгляд, бывавший в юности на тинге⁴³ хозяин, сразу же сообразил: они снаряжены по-походному, но без щитов, а значит, действительно усадьбе ничего не угрожает. Ну разве что потребуют чего сверх подарков, но то – привычное зло.

---

⁴² Дитфрид (древнегерм. [thiod-] народ + [-fridu,-frithu] мир, безопасность) – из мирных людей.

⁴³ Тинг (сканд. ting) – древнескандинавское и германское народное собрание свободных мужчин страны или области (здесь – племени), куда являлись, как правило, вооруженными, в доказательство своей дееспособности. Часто имели не только законодательные полномочия, но и право избирать вождей или королей-конунгов. У славян – «вече».

Пришедшие заговорили, может быть и не слишком уважительно, но точно без обычного пренебрежения хирдманов перед теми, кто не живет «с оружия». Скорее, они держались ровно. Как будто бы им строго наказали не оскорбить, но и не потребовали лебезить перед здешними хозяевами.

– Ты ли Дитфрид-бонд, – уточнил старший, дав ясно понять, что они знали к кому шли. – Наш хевдинг Ингвар Чужеземец, что из морских ярлов, призывает тебя в гости. По делу и безотлагательно!

Чуть смягчило довольно настойчивый текст уточнение, что «достойный хозяин может, конечно же, переодеться или иным образом завершить дела», поскольку их господин не велел «гостя» подгонять.

Дары были уже собраны, но Дитфрид, на всякий случай, на две небольшие тачки со свежими овощами, десятком кур и парой бочонков пива, велел добавить тушу забитой и освеженной поутру овцы.

Откормленное животное, в его лихорадочных мыслях, еще точнее подчеркивало уважение к заезжему хевдингу, с отчего-то смутно знакомым именем. Уже приглашенный в разбитую прямо на корабле палатку, раскинувшуюся на всю среднюю часть самого большого из пяти драккаров, Дитфрид все и вспомнил.

«Точно! Именно он – доселе мало кому известный чужак, – больше всех и отличился в недавнем походе, где-то на юго-западе. Как же, помню: Торговая тысяча вместе с батавами сначала сильно побила тамошних горцев, а потом – еще и откуда-то взявшихся аваров...»

Но стоило бонду почувствовать жгучий интерес, вместо прежнего опасливого любопытства, как хевдинг огорошил совершенно неожиданным предложением. Взвзвешивая его подношения, и отдарившийся в ответ хорошим вином, Ингвар Чужеземец сообщил (а судя по непреклонности, скорее – потребовал), что собирается купить ненужные ему земли.

Ни сам Дитфрид, ни его отец или даже дед, и даже отец деда, уже давно не считали Виндфан своим. Шесть поколений назад их слуг, рабов и тогдашнего старшего в роду мужа, убили очередные беглецы, разорив охотничью заимку на вершине проклятого холма. Вот с тех пор эти места, богатые пушниной и просто непуганой дичью, и стали запретными для их небольшого рода.

Поэтому сразу он совсем испугался. Потом, услышав название, сообразил, и немного расслабился. Пытаясь только понять, чего этот свалившийся ему на голову головорез, предлагает 1000 гельдов. Вот так – за здорово живешь, – почти ни за что?!

Все его поместье стоило меньше. Это если считать, животных, постройки и прочее имущество. Если прибавить семнадцать слуг из рабов, пусть часть из них уже и немолоды, то вышло, конечно, несколько больше...

И пусть даже низшая цена восьми наделов земли у одного из главных притоков Восточного Рихаса была, конечно же, выше (минимум вдвое), но все это давало хорошо понять, какая ядреная смесь из алчности и недоумения охватила мужчину. Только услышав пожелание известить живущего там Гуалх-бастард с дружиной, что ему нужно освободить земли, заставила Дитфрида вынырнуть из сладкого мечтательного омута, и наконец-то посмотреть на полную картину сделки.

«Кажется, я не зря испугался...» – обреченно догадался он.

О, какое же мощное разочарование Дитфрид испытал, осознав, что эта продажа, сразу и бесповоротно сделает его врагом нынешнего, пусть и незаконного владельца тамошних охотничьих троп и ловов. Бонд в панике попытался заюлить, но заледеневший голос сидевшего напротив морского ярла, вернул ему полное понимание обстоятельств. Прямо это не прозвучало, но продавец четко понял: опасаться стоит гнева именно «этих» хускарлов. Уже прямо сейчас, пока еще спокойно сидящих, в нескольких шагах от его дома.

За первую, очень благожелательную часть разговора, Дитфрид немного расслабился и «загордился», почувствовав, что с ним держатся «на равных». Но не имеющий большого опыта общения с благородными, бонд тут же вспомнил: перед ним такой же предводитель, как и Гуалх-бастард. И ему тоже нет нужды ловчить перед лицом тинга. А значит «разрубить» или «выжечь» проблему ему должно быть куда привычнее, чем утруждать себя уговорами.

– Да, господин! Конечно, я рад твоему предложению, и считаю его выгодным, – зачастил землевладелец. – Но кто защитит меня от гнева Гуалх-бастарда? Потом?!

– У него не будет никакого «потом»!

Эта фраза была произнесена таким непреклонным и уверенно-насмешливым тоном, что Дитфрид десять раз пожалел, об отсутствии традиции отвечать короткое «да», на любые слова предводителей дружин. Внутренне, сейчас он твердо поклялся, никогда не изменять такой полезной привычке.

– Он ведь, конечно, не убьет, но точно не послушается твоего посланца, – хмыкнул Ингвар Чужеземец немного погодя.

Смутно понятная шутка вызвала хохот среди воинов, и неуверенную, немного по-прежнему испуганную, улыбку на бледном лице бонда.

...Гуалх-бастард и правда, не убил трясущегося посланца, чьи спутники даже не сошли со своей шестивесельной плоскодонки. Он дал ему всего лишь плетей. Притом по-доброму – щадящих. Лишь для вразумления, и под одобрительный гогот своих воинов.

Правда, уже на следующее утро – еще до восхода, – «снисходительный вразумлятель» убедился, что зря не обратил внимания на предупреждение богов, в лице ничтожного посланца «земляного червяка».

Стихающие крики его хускарлов за стенами главного дома, и настойчивые удары секир в уже готовые сдать двери, однозначно дали понять: сейчас и его тоже будут убивать. Притом – совершенно законно. Как вора и... недогадливого глупца, чей труп точно не сможет дожидаться исполнения лестных обещаний хундингов.

И последнее было особенно обидно.

* * *

Рассвет окончательно вступил в свои права, и небо неожиданно стало совсем светлым. Пристроившись слева от входа, и бездумно глядя на работу подуставших, но все еще настойчивых секирщиков, Игорь расслышал в шорохе дождя, чью-то оптимистичную мысль, что мол, сырость эта скоро закончится.

Бросив взгляд на видимую отсюда часть поселка, он убедился: «чистить» остальную территорию закончат намного раньше, чем штурмовой отряд сможет проникнуть в особняк.

Пылали несколько то ли случайно, то ли в кураже подожженных хижин и каких-то сараев. Между ними по лужам бродили измотанные коротким, но напряженным боем хускарлы, совершенно не обращая внимания на по-прежнему льющуюся с неба воду, они проверяли последние закутки, вытаскивая затаившихся врагов или местных служанок.

Под их присмотром несколько избитых мужиков, и таких же совершенно промокших баб, уже успели приступить к сбору и обиранию трупов. Пусть уныло и немного испуганно, но благодаря подбадривающим тычкам – непреклонно.

Расчет оправдался, и мало кто из погибших успел натянуть верхнюю одежду, не говоря уже о хоть какой-нибудь броне. Поэтому мечи, копья, ножи и прочее боевое железо собирали его воины, а пленникам досталось таскать лишь скромные охапки поясов, порченных ударами портов, рубах, сапог да редких курток или накидок.

Не смотря на здешнее более равнодушное отношение к смерти и останкам, Игорь понимал, откуда в этих пленниках, нынешний трепет. Вряд ли вываленные в грязи тела были тем же «работницам» или сдавшимся в плен воинам незнакомы при жизни. Еще и судьба их самих оставалась под вопросом.

Как потом выяснилось, при 80-90 членах здешнего хирда, не было и полусотни обслуги, да разных, набранных по случаю женщин.

Чужаки, конечно, не выглядели инородцами, но мало ли. Взмахнет пальцем кто-то из закованных в железо командиров, и вырежут напоследок всех. Вдруг у них нет повода прилюдно гордиться сегодняшней победой?! Не смотря на явно читаемые мысли, чувства и переживания участников этой драмы, все это выглядело так... обыденно и даже спокойно.

Загипнотизированный ритмичными звуками дождя и секир, Игорь в первое мгновение даже не сообразил, что это за странный хруст и непонятный «чвяк!» заставил вздрогнуть землю рядом с ним. Рефлекторно прикрывшись щитом, он еще до того как смог рассмотреть происходящее, догадался: есть, вход открыт!

Падение массивных деревянных ворот вызвало радостный рев основной массы штурмовиков и ругательства, а потом и смех забрызганных первых рядов. Опытнейшие воины, отобранные для этого боя, заранее прикрывшись щитами, но к взрывной волне грязи и воды от падения тяжелых створок, оказались неготовы.

Если бы защитники ждали их прямо за порогом, многим бы пришлось сейчас получить новые раны, или вообще – навсегда отложили участие во всех прочих боях за пределами Вальхаллы. Но из темного прохода не вылетело ни одной стрелы. Игорь не был уверен, но вроде не летели они и раньше – из бойниц второго этажа. Разве что несколько штук, где-то минут десять-пятнадцать назад.

Кроме широкого прохода ведущего вглубь дома, были несколько дверных проемов из каких-то коморок прямо здесь – в сенях. Первыми внутрь скользнули две пар лучших мечников, чтобы проверить именно их, от спланированного удара в спину или просто случайного одиночки.

Особо не дожидаясь результатов, внутрь начал втягиваться ударный отряд из дюжины самых тяжеловооруженных и опытных хирдманов. Крепкие штурмовые щиты, дорогие кольчуги и вбитый множеством боев опыт, давали им высокий, как никому другому, шанс выжить в первом – самом яростном столкновении.

Большинство дружинников видели его тренировки, поэтому и не ждали, что их предводитель рванет врукопашную. Хорошего командира воинственные фризцы ценили не только за это. Телохранители же понимали ситуацию намного лучше, поэтому держали свое мнение при себе, но предпочли бы и вовсе остаться снаружи.

Нет, отборнейшие головорезы, лучшая из лучших воинская элита – сами-то они как раз рвались «в бой». Он был их жизнью и смыслом существования. Но сегодня место их было рядом с господином, за чью жизнь отвечали. Потому как раз они-то и согласны были лишиться себя «сладкого».

Игорь и сам не рвался в первые ряды, но и дожидаться снаружи результатов боя – не мог. Хмуρο проигнорировав осуждающие взгляды подросшего Дольфа, он аккуратно извлек меч из ножен, и двинулся во «второй волне», окруженный подобранными телохранителями. Остальные четырнадцать штурмовиков сомкнулись в «третью волну», и снаружи осталось лишь четверо – из подошедших в оцепление других отрядов.

Внутри было плохо видно, и чем глубже – тем еще и теплее. На фоне отсутствия дождя – так и вообще жарковато. Стараясь не изобразить в глазах подчиненных болвана, Игорь шел, и сильнее переживал за то, чтобы не наступить на пятки впереди идущим, чем получить какую-нибудь ржавую «железяку» в бок. Или по голове.

Сам ход сначала шел вдоль левой наружной стены, потом – свернул направо, – все с той же стороны оставляя эту, по-прежнему лишённую проходов стену. И что важно: на них никто не нападал. Впереди, кстати, удивительно, но тоже было тихо.

Чуть раньше, Игорь приказал оставшимся снаружи воинам, после быстрого осмотра территории, разделиться на четыре отряда, и охватить здание. Мало ли. Именно из-за этого Дольф

и Эгир все еще остались снаружи. У них была действительно важная миссия не упустить возможных беглецов. И хевдинг сейчас уже начинал беспокоиться: где его важная добыча? Ну, или хотя бы только тело...

На протяжении всего пути, телохранители оставались рядом, а пары бойцов при поддержке идущих последними воинов, методично проверяли все встречные ответвления, и где было возможно – блокировали их какой-нибудь мебелью, а где – нет, тройками бойцов.

Расстояние было не бог весть каким, поэтому в итоге они бескровно потеряли четыре тройки, и догнало их лишь двое хирдманов из «третьей волны». Один из них был десятником, он-то и сообщил, что путь защищен, а сами они дальше пойдут вместе. Игорь кивнул, приняв к сведению размер резервов, и двинулся ближе – к первому отряду.

Коридор вывел их к очередному дверному проему. Прямо перед ним и сгрудился ударный отряд, сомкнув щиты, но, совершенно, не пытаясь продвинуться дальше. Было по-прежнему тихо, и им вроде никто не угрожал...

Ни слова не говоря, те расступились, открыв проход сквозь собственные ряды. Сомкнутыми остались лишь два щита первого ряда, как раз и блокирующие проем.

«Вот вы где! – больше с облегчением, чем беспокойством, подумал хевдинг, осторожно глянув внутрь. – Значит, последнее действие этого спектакля разыграется здесь. Чудесно...»

Слово «чудесно», еще в бытность сначала казахстанским, а потом и российским журналистом, ассоциировалось у него строго с рафинированным вариантом лексемы «говно». Иначе сложившуюся патовую ситуацию было не назвать.

Дальше было что-то вроде небольшого тронного зала, где здешний морской ярл, очевидно, чаще «гуливанил» с соратниками, чем принимал подданных или каких-нибудь важных гостей. Хотя бы просто в виду сильной неформальности статуса и отсутствия подданных, как таковых.

Большая комната, шириной метра в четыре и длиной на весь первый этаж – где-то метров в двадцать пять, – сейчас была перегорожена стеной щитов. Два последних ряда скрывались в тени, и точно подсчитать было нельзя, но врагов выходило никак не меньше двух предсказанных дюжин. Со своей стороны они все факелы потушили или перенесли их ближе к входу.

Получалось, что хирдманам Игоря придется сначала просачиваться через сравнительно узкий вход в зал, а потом еще и атаковать со света – в темноту.

Даже если враги не постараются подловить и вырезать часть нападающих в момент входа, когда они станут особенно уязвимы, все равно... неприятная штука получается. Еще и прямо здесь, у входа, с ним было лишь двадцать лучших бойцов. Разменивать их на какую-то случайную шелупонь, тем более в таких невыгодных условиях – было до слез обидно. И это если отбросить факт, что ко многим он испытывал практически дружеские чувства. Бывшему землянину вообще страшно нравилось доброжелательность и ненаглая самоуверенность элиты здешнего воинского сословия.

Две группы людей, готовых убивать, просто стояли и смотрели друг на друга. Гуалх-бастард, в это время то ли сбежал, то ли просто смирился со смертью, и возможно решил не спешить ее зазывать. Игорю – было пока сказать нечего. Как и сделать. В итоге обороняющиеся никак не проявляли нетерпения – понятно, что им было слишком выгодно дожидаться атаки. Нападающим – тоже получалось «не до суеты».

Бойня среди мелких растерянных групп не удалась. Идея же атаковать в лоб, без возможности использовать превосходство в силах, казалась ему слишком уж вопиющей глупостью. Игорь мучительно искал и не находил выхода в глазах подчиненных, в собственной памяти, в этих собранных на скорую руку стенах. Что-то похожее, судя по всему, обдумывали и его воины.

Так и не решив, что сказать внешне абсолютно равнодушным врагам, он отвернулся и зло пнул табурет, забытый кем-то из местных. Кувырки ни в чем не повинной мебели прервала ближайшая стена, но стало чуть легче. Хоть какая-нибудь двигательная активность немного ослабила удавку безысходности, и тут в спину прозвучало радостно-захлебывающееся «господин!»

– Хевдинг, это не кухня!

В обычное время Свинд⁴⁴ был долговязым и наголо бритым мужчиной средних лет. Сейчас, во всей этой броне, он напоминал скорее стальную статую Командора⁴⁵, чем знакомого воина с легким и по-доброму снисходительным характером.

Ивинг выжил в боине с аварами, и как многие другие, поклялся в верности своему командиру. Игорь тогда сохранил за ним должность «десятника» больше по ностальгическим соображениям, но вот сейчас, кажется, пришло время получить за это «бонус». По крайней мере, на фоне охватившей его самой тоски, десятник выглядел слегка перевозбужденных Архимедом. Так и казалось, что сейчас прозвучит знаменитое «эврика!» Правда, сразу повод для оптимизма экс-землянин не уловил.

– И что?

Опасливо глянув в сторону врагов, хускарл приблизился, и понизив голос, торопливо зачастил с пояснениями. Чем больше он говорил, тем сильнее расцветало лицо Ингвара Чужеземца. В итоге предводитель разразился целой серией приказов, и замер, явно умиротворенный, пробормотав напоследок непонятное окружающим «кирдык вам, твари!»

Воины давно заметили, что разгорячившись, их вождь начинал говорить, а чаще всего явно ругаться, на языке оставленной Родины.

* * *

Штурм, благодаря прозрению десятника, хирд «оплатил» всего несколькими десятками раненных, но не безвозвратными потерями.

Игорь благоразумно не полез в первые ряды, и смог почти опустошив магический браслет-батарею, вытянуть самых тяжелых. Организованный «по правилам» строевой бой тем и отличается от свалки, что оглушенных или серьезно подраненных соратники успевают прикрыть и вытащить из под мечей. Даже при самых удачных попаданиях, хорошо бронированного опытного воина убить совсем не просто.

Хотя как минимум двух своих хускарлов бывший землянин точно вытянул с того света...

Догадка Свинда оказалась в том, что фризы всегда делают вход в пиршественный зал еще и с кухни. При том из самой поварни тоже обязательно должен быть прямой путь и к выходу из здания. И обязательно не через место, где пируют гости.

Игорю такие нюансы были, естественно, не знакомы, но когда догадка прозвучала, остальные единодушно подтвердили, что «кажись и правда» можно обойти остатки дружины Гуалха-бастарда и лишит их нынешней, довольно выгодной позиции, даже без боя.

Призвав внутрь еще несколько десятков воинов, чтобы те перерыли все помещения более внимательно, удалось выяснить: так и есть. Отсрочку в полчаса во время рубки створок, осажденные использовали, чтобы тщательно замаскировать обходной путь. Собираясь, конечно, не победить, но стать изрядной костью в горле.

Пока Игорь изощрялся в призывах сложить оружие и выдать предводителя, его воины тихо разобрали замаскированный под заброшенную коморку с барахлом проход, и обошли врагов еще и сбоку. Здесь, правда, это не удалось сделать незамеченными, но полноценно бло-

---

⁴⁴ Свинд (древнегерм. [swind] сильный, крепкий) – второй десятник в личном отряде Игоря, во время похода против племени каменных выдр; события описаны в книге первой «Конунг: Вечный отпуск».

⁴⁵ ...статуя Командора – пришедшая на ужин к своему убийце Дону Жуану статуя мужа его любовницы, из комедии XVII века «Дон Жуан, или Каменный гость» француза Жана-Батиста Поклена (Мольер).

кировать оба входа сил у осажденных просто не было. В итоге их медленно отжали в угол, и когда в тронном зале накопилось достаточно воинов, спокойно и методично «раздавили».

Третьим «крестником», кому бывший землянин, точно спас жизнь, стал сильно порубленный предводитель – Гуалх-бастард. Кроме него, кстати, из двух дюжин последних защитников Виндфана, выжили семеро.

Воины, конечно, старались прикрыть командира, но стоило его в итоге срубить, да так что все решили – их хевдингу крышка, как трое оставшихся на ногах сдались. Еще слабо пострадавших четверых, нашли среди лежащих на поле боя. Один из них вообще был лишь слегка оглушен, и немного проблевавшись, потребовал выпить «раз уж вы – псы поганые, – пока решили оставить ему жизнь».

Позерство – не позерство, но умение не потерять чувство юмора и сохранять явное достоинство, ценилось во все времена, поэтому кто-то из победителей вполне доброжелательно поделился с ним вином из собственной фляги. Под довольно одобрительный смех остальных и шадящие похлопывания по плечу.

С выживаемостью у тяжело бронированной пехоты, действительно, оказалось все очень хорошо. И Игорь вовсе не планировал пересматривать эту часть итогов. Поэтому пленников тщательно обыскали, лишили брони и лишней одежды, а после пристроили в одну из комнат с надежной дверью.

Судьбу попавшего в плен морского ярла видели всего несколько командиров и телохранителей. Для его последних щитоносцев это тоже осталось секретом. Поэтому прямо на поле боя хевдинг запретил обсуждать факт даже между собой. Уточнив, правда, что доверяет каждому из своих хирдманов, но гарантировать сохранение тайны иначе не может. Одновременно заезжий филолог ввел в местный обиход выражение «и у стен есть уши». Чем надо признать, сильно заинтриговал своих соратников, когда принялся объяснять, что на его Родине когда-то действительно строили такие стены с «ушами».

Это вообще вызвало настолько заинтересованную дискуссию, что к вопросу о «не умершем бастарде» больше никто не возвращался.

Практически сразу пришельцы принялись обживать собственность своего предводителя, за которую тот заплатил тысячей гельдов и стремительным ударом хирда.

Оружие, броня, посуда и любые другие ценности Игорь поручил собрать в главный дом и оценить казначею Карлу в присутствии десятников, и уважаемых воинов от всех дюжин, принимавших участие в штурме.

Четверть минимальной стоимости всего этого хирд должен был получить на руки, и «из кармана» же предводителя планировалось оплатить ремонт снаряжения и лечение ран. Стоило такое удовольствие, кстати, недешево, и все, у кого случились серьезные травмы, отправились пассажирами в лагерь у Персы. Глупо было упускать такой шанс, ведь в тот же день туда отправились два корабля из пяти, чтобы, в том числе, и сообщить о необходимости переселяться.

Вместе с ними отправился и Дольф.

У него было, пожалуй, самое ответственное задание. Игорь передал доверенному предводителю телохранителей шесть разряженных энергоячеек из семи, поручив сходить в храм. После недавних излечений, скрывать теперь обладание ими было глупо, а ехать самому – еще и некогда. Работа в этот день вообще случилась у всех, но Анвара ждал еще и долгожданный прорыв.

У знатока земных и местных строительных технологий, впервые появилась возможность проверить получившийся винегрет на практике, подготовив предложения об укреплении обороны.

Необходимо было сделать так, чтобы сегодняшняя сюрприз не случился уже у них самих. Чтоб сторожить немногочисленные проходы можно было малыми силами в безопасности и комфорте, а «перешагнуть» через стены, стало как минимум затруднительно. У Игоря вообще,

были далеко идущие планы на это место. Если он собирался укрепиться среди треверов, то отнять у потенциальных бунтовщиков природную крепость стоило раз и навсегда...

Но самое интересное задание получили телохранители. Не откладывая время на празднование, хевдинг приказал им расспросить выживших. Естественно, не просто «за жизнь».

Еще возвратившийся из разведки посланник ярла Эрвина, привез помимо прочего слухи, что хундинги несколько раз слали Гуалх-бастарду серебро. На этой идее настаивал и их шпион, проникший в лагерь под видом пожелавшего присоединиться искателя приключений. Такое регулярно происходило вокруг морских ярлов, и не вызвало удивления. Хотя, конечно, и в ближний круг он не попал.

Точное место никто из «знатоков» назвать не мог, но были подозрения, что обнаружить клад можно все еще здесь. По крайней мере, один случай привоза серебра лазутчик видел собственными глазами, но никакой суеты и попыток вывезти – не приметил.

После занятия Виндфана дождь продолжал лить еще два дня...

* * *

О судьбе брата-соперника своего вождя первыми в роду Белого Сокола⁴⁶ узнали рыбаки. Это случилось как раз в день, когда наконец-то небо очистилось.

Ближе к полудню, светило совсем уж настойчиво принялось прогревать землю, и неожиданно от противоположного берега отчалила ладья. За окрестностями Виндфана наблюдали, и такое событие не могло остаться незамеченным.

По плану ли, или в результате простого совпадения, боевой корабль высадил почти в центре клановых земель небольшую группу треверов со скудными пожитками в руках. Большею частью молодых женщин, поэтому двух мужчин сразу же вежливо, но настойчиво препроводили в гости.

Именно болтливый житель Нойхофа и его хмурый, более старший спутник откуда-то с побережья, как очевидцы и поведали все известные им подробности о последних днях хирда Гуалха-хевдинга. По их словам после стремительного утреннего разгрома два дня назад, некий морской ярл Ингвар Чужеземец приказал безо всякого выкупа освободить всех незаконно лишенных воли, заявив, что «хотел бы дружить со всеми своими соседями, и не желает пустой вражды!»

В эти мгновение вождь Гуортигерн⁴⁷ испытал почти физическое ощущение освобождения.

В полной мере прочувствовал, как его воля выскользнула из-под гнета обстоятельств. Заезжий хевдинг по собственному почину купил «пустующие» земли на другом берегу, и без всякой платы, одним взмахом меча разрубил коварную интригу, на несколько месяцев сковавшую в своих тисках желания и надежды предводителя белых соколов. О, как же приятно было осознавать, что теперь можно не тревожиться днями и ночами, в ожидании подлого удара в спину от собственного родственника.

Старший брат-бастард все детство старался подчеркнуть, как же он презирает «недостойного маленького говнюка», отнявшего у него право на власть. Зависть, обида и детское непонимание, действительно, сжигали Гуалха. Что они могли вырастить в младшем сыне вождя, кроме ответного страха и ненависти?

Поэтому Гуортигерну, наверное, и правда, было чему радоваться. Теперь ничего не мешало призвать младших родичей с их копыеносцами, и начать собирать другие тревверские роды и кланы, тоже желающие скинуть ненавистную власть «чужаков».

---

⁴⁶ Белый Сокол (древневалл. [gwalch-] сокол + [-gwun] белый, чистый – Гуалхгуин) – один из сильнейших кельтских кланов среди треверов и главный соперник нынешних правителей – рода Хундингов (древнегерм. [hunt, hund] пес).

⁴⁷ Гуортигерн (древневалл. [gwt-, gog-] выше, более + [-teugn] властелин) – Высший властелин, глава тревверского клана Белого сокола.

В этот момент главе белых соколов, конечно же, не пришло и в голову начать размышлять на тему, что поставь рядом тревера-германца и его соседа кельта, различить будущих смертельных врагов сможет разве только кто из богов. Людям же, пришлось бы сильно постараться, в поисках каких-то внешних несоответствий. Слишком долгие столетия они жили вместе, и давно стали бы просто фризами, будь хотя бы у востока Эйдинарда свой единый конунг.

Но так ли нужны самим вождям причины для ненависти к соперникам? Тем более что сейчас хундинги действительно удерживали власть, может и по закону, но не по обычаю. Сердце пирамиды в Нойхофе пустовало уже ни один месяц. С тех пор, как Старый Хунд ушел к своим предкам.

Усыновить кого-нибудь из чужаков властолюбивые глупцы не захотели, а среди множества сыновей и дочерей прежнего правителя, наследников с даром «жреца» не нашлось.

Без жреца же храм – способен спасать не более двух-трех, иногда – пяти жизней в день. Приди на земли треверов серьезная беда или эпидемия, то решившие сохранить верность прежнему роду, очень легко смогут убедиться в своей ошибке. В собственной болезненной и опасной глупости.

... Действительно, не успел развеяться дым, унесший душу одного ярла, как его многочисленные сыновья смогли как-то сговориться, и объявить другого. И остальные хундинги, да и почти все окрестные роды, приняли волю наследников. Да только не удержать власть одним лишь родственным согласием, не быть на троне древнему роду, без благословения богов.

Даже в самой нищей треверской хижине знали: правящий род боги покинули.

На почти две дюжины сыновей да вдвое большее число дочерей от старого лорда, не нашлось никого, кто мог бы войти в храм хозяином, а не одним из многих просителей. За многие столетия, что фризы владеют побережьем, бывало, конечно, всякое. Не раз случалось, что благородный род лишался благоволения жителей Асгарда⁴⁸. Но в таком случае всегда был выход. Нужно было заранее найти юношу среди слабых родов с необходимыми способностями, принять его в свой, а потом – и передать трон. Род тогда оставался при достигнутой за предыдущие поколения власти, пусть и официально считалось, что приказы отдает только «приемный» правитель-жрец.

Старый Хунд был мудр и предусмотрителен. Он пригрел в своем храме такого кандидата. Но тот не дождал даже до утра, следующего за смертью ярла. И никто не сомневался, что именно влезший на трон властолюбивый глупец виновен в смерти несостоявшегося жреца. Эта ошибка рано или поздно, должна была дорого обойтись всему их проклятому роду.

– Вели созывать верных нашему роду иэрстерей-благородных. Через три декады от сего дня, пусть их знаменосцы будут готовы распустить флаги...

Гуортигерн говорил весомо и решительно. Несколько его доверенных хирдманов не могли сдерживать радости на лицах. Старшие из слуг, отвечающие за немалое хозяйство вождя, выглядели в этот момент скорее озабоченными. Для них война – это не добыча и слава, а еще больше рисков и ответственности.

* * *

Девять дней спустя

---

⁴⁸ Асгард (древнесканд. «огражденный участок асов») – в германо-скандинавской мифологии небесный город, обитель богов-асов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.